
ОПЕКУНЫ МОСКОВСКОГО ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ДОМА В ЦАРСТВОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II

«Генеральный план Воспитательного дома для приносных детей» был подписан Екатериной II 1 сентября 1763 г. Прием детей в Московский воспитательный дом начался 21 апреля 1764 г.

Воспитательные дома привели к появлению новых категорий должностных лиц и людей, взявших на себя те или иные обязательства в их пользу. Возглавлял новое учреждение главный попечитель, находившийся «в особливой милости» у императрицы. Этот пост с 1763 г. и до конца своих дней, т. е. до 1795 г., занимал Иван Иванович Бецкой. Екатерина наделила его, «яко всему состроителя, такую властию, чтобы он мог собою <...> исправлять и переменять по своему благоизобретению» способы «воспитания и домоводства того Дома»¹. Главный попечитель связывал Опекунский совет с монархом, а свои полномочия толковал как право издавать законодательные акты без подписи императрицы.

Попечители «из знатнейших духовных и светских персон» во всех городах России и даже «чужих государствах» должны были собирать подаяния на Дом и оказывать ему содействие². Попечительство являлось добровольным почетным званием.

Жизнь показала, что решение финансовых проблем и защита привилегий сиротских учреждений в российских условиях невозможны без опоры на «сильных мира сего». В 1772 г. И.И. Бецкой оформил покровительство Дому со стороны самых знатных лиц. Для них создали звание почетных благотворителей, им полагалось охранять «непоколебимость сих учреждений», быть ходатаями по их делам в Сенате, Синоде и «нижних правительствах», из их среды следовало избирать преемника главного попечителя³.

Прямое руководство Домом осуществлял Опекунский совет из «шести знатных персон» (опекунов) с чинами не ниже коллежского советника (VI класс). Опекуну работали «единственно из любви к Отечеству», «не ожидая награждения», жалованья они сначала не получали, зато сохраняли занимаемую должность и имели право на внеочередное получение чина. Право на награждение

рангом распространялось и на отставников. Дома опекунов освобождались «от всякого постою». Опекунский совет был обязан «оный Дом во всех нуждах <...> защищать», а нерешенные проблемы представлять главному попечителю для доклада императрице. Совет обеспечивал привилегии Дома, внутреннее управление которым вверялось главному надзирателю — чиновнику невысокого ранга, в иерархии государственных учреждений. Он отвечал за сохранность казны Дома. За хорошую службу опекун получал благодарственное свидетельство. В назначенные дни опекуны собирались «для решительного рассуждения о всем, что к пользе и приращению потребуется»⁴.

Шесть опекунов первого набора были людьми явно не случайными, лично близкими императрице и И.И. Бецкому. Среди них преобладали гвардейские офицеры, составлявшие опору Екатерины в ходе переворота 1762 г. Так, первый опекун Воспитательного дома М.С. Похвиснев, назначенный на эту должность раньше всех, 19 сентября 1763 г.⁵, в чине капитана Измайловского полка принимал деятельное участие в перевороте при воцарении Екатерины, в числе других он получил 800 душ и звание действительного камергера⁶.

Четыре опекуна первого призыва были утверждены в этом звании Екатериной II в один день, 24 октября 1763 г.⁷ Среди них были еще два отставных офицера. Первый из них, полковник И.Н. Тютчев, сразу после вступления в должность просил наградить его или гвардейским премьер-майорским, или, в крайнем случае, бригадирским чином и в ноябре 1763 г. добился ожидаемого повышения. Вторым, А.И. Болтин, лейб-гвардии отставной секунд-майор, также по собственной просьбе получил звание премьер-майора⁸. Б.В. Умской, также назначенный опекуном 24 октября 1763 г., состоял в давних и прочных деловых отношениях с И.И. Бецким. Он заведовал делами главного попечителя, наблюдал за его имениями, расположенными по соседству с собственными деревнями. По сведениям П.М. Майкова, у Б.В. Умского до конца его дней хранились все документы на имения Бецкого⁹. Можно с уверенностью сказать, что опекун Умской пользовался полным доверием создателя Воспитательного дома. С него началась и ставшая позднее традицией «подгонка» реальных людей под условия, заявленные в «Генеральном плане». Накануне подписания указа об опекунстве надворного советника Б.В. Умского императрица согласилась с предложением И.И. Бецкого о пожаловании ему чина коллежского советника, ибо в Опекунском совете «ниже заседать не мочно»¹⁰. Четвертым в эту группу опекунов входил Я.С. Френев, коллежский советник, служивший в Сибирском приказе. Информации о деятельности Френева в качестве опекуна в архиве обнаружить пока не удалось, но, по сведениям А.П. Пятковского, он вместе с коллегами упорно отстаивал права Дома в первые месяцы его существования. В частности, им удалось добиться выполнения московскими властями указа императрицы о передаче Дому Гранатного двора с Васильевским садом на берегу Москвы-реки¹¹. 24 мая 1764 г. опекуны сообщили Бецкому о том, что Френев назначен товарищем белгородского губернатора и его надо заменять¹². Преемника ему найти долго не удавалось.

1 декабря 1763 г. императрица подписала указ о назначении последнего опекуна. Им стал член Комиссии о духовных имениях, шталмейстер князь С.В. Гагарин¹³, которого много лет знали и Екатерина, и Бецкой. Еще 10 февраля 1742 г. Елизавета Петровна пожаловала князя С.В. Гагарина в камергеры двора герцога Голштинского Петра Федоровича, вскоре объявленного наследником россий-

ского престола¹⁴. Камергером при дворе Петра Федоровича в те же дни стал и Бецкой¹⁵.

Итак, первый Опекунский совет состоял преимущественно из людей, лично преданных императрице и главному попечителю и пользовавшихся их доверием. Все они, за исключением, пожалуй, Б.В. Умского, являлись представителями старинных дворянских родов, что будет составлять особенность Московского опекунского совета и в дальнейшем.

В период организации Воспитательного дома особую роль играл М.С. Похвиснев. Переписка Опекунского совета с главным попечителем в октябре–декабре 1763 г. — это переписка с Похвисневым. До начала ноября 1763 г. он работал в Москве один и, по словам американского исследователя Д. Рэнсела, являлся «агентом Бецкого»¹⁶. В делах организационных, административно-хозяйственных (улаживание отношений с государственными учреждениями, строительство, набор персонала) опекун чувствовал себя, как рыба в воде. Многие его письма в Петербург по тону являлись скорее дружески-развязными, чем деловыми. Их автор был уверен в себе и остроумен. О Ф.П. Веселовском, отказавшемся стать опекуном по болезни, Похвиснев с насмешкой сообщает: «Самому опекун нужен». Он иронизирует по поводу москвичей, призванных «Генеральным планом» помогать «делу новому и необыкновенному»: «Увидите вспоможение наших народов, подрядчики-мошенники запросили слишком»¹⁷. В начале ноября 1763 г. он благодарит Бецкого за «определение помощников мне господ опекунов», поддерживает их прошения о новых чинах, 14 ноября сообщает о состоявшемся «четвертого дни» первом собрании Опекунского совета и немного позднее добавляет: «Для Опекунского совету хижинку себе нашли, которою и довольны, то для оного в найме дому нужды нет»¹⁸.

С начала 1764 г. стиль писем становится более деловым, их подписывают и другие члены Опекунского совета. Весной 1764 г. меняется и содержание переписки, и настроение опекунов. Чувствуется их волнение, тревога и растерянность. Начало работы Дома оказалось трагическим, у его организаторов просто опускались руки от чрезвычайно высокой смертности среди питомцев. Они были потрясены большим наплывом детей, хотя М.С. Похвиснев и ранее предупреждал об этом, — не сумели обеспечить их кормилицами. Первые неудачи обострили отношения опекунов с персоналом Воспитательного дома, начались их конфликты со служащими, которые позднее станут характерной чертой жизни Воспитательных домов в царствование Екатерины. Уже в июле 1764 г. Совет сообщил главному попечителю о намерении «переменить» главного надзирателя и эконома, а в августе того же года главный надзиратель, главная надзирательница и эконом были отстранены от дел и вскоре уволены. Призывы Бецкого к слаженной работе и отказу от формальных «приказных» обрядов помогали плохо. Началась чехарда служащих. Единственный главный надзиратель первых лет, с которым Совет не конфликтовал, — академик Г.-Ф. Миллер — под руководством И.И. Бецкого подготовил инструкцию главному надзирателю, направленную на более четкое разделение полномочий между опекунами и непосредственным руководителем Дома¹⁹. В переписке Совета не осталось и следа от насмешливого тона первого опекуна. Летом 1764 г., сообщая И.И. Бецкому о недостатке кормилиц и невозможности «сыскать» их в Москве, опекуны выражали надежду на решение этой проблемы после приезда из Петербурга своего коллеги князя

С.В. Гагарина. В ведении последнего, как шталмейстера Придворной конюшенной канцелярии, находились дворцовые конюшенные волости: «Поблизости от Москвы имеет он у себя в команде несколько волостей, и откуда может за плату несколько ж (кормилиц. — *Т.Ф.*) хотя непринужденным образом принудить»²⁰. На его же содействие Опекунский совет рассчитывал, когда выносил решение о размещении части детей «для воспитания» в конюшенных волостях с платой крестьянским семьям по 2 рубля в месяц²¹. Князь был нужен и для представительства, с его участием пытались решить вопрос о приобретении загородного участка. Кроме того, князь С.В. Гагарин нередко ездил в Петербург, выполнял поручения главного попечителя и передавал его устные распоряжения.

Заметную роль в первые годы работы Дома играл и Б.В. Умской. Первым из опекунов он сделал значительные пожертвования на Воспитательный дом. В июле 1764 г. от него было принято 300 руб. Кроме того, через него Бецкой переправлял в Москву подаяния, сделанные другими лицами²². Одной из главных задач Опекунского совета являлась организация строительства комплекса каменных зданий для размещения нового воспитательного учреждения. В августе 1765 г. князь С.В. Гагарин объявил опекунам желание И.И. Бецкого, чтобы экспедицию строений возглавил избранный Советом опекун. Желającego заняться этим хлопотным делом не нашлось. Опекуны объяснили главному попечителю, что князь С.В. Гагарин занят в Сенате и Коллегии экономии, которую он в то время возглавлял, М.С. Похвиснев уехал на три-четыре недели в свои деревни, И.Н. Тютчев также собирается навестить свои поместья. Совет обещал обсудить этот вопрос, когда все его члены будут в сборе. Получив уклончивый ответ из Москвы, И.И. Бецкой посокрушался, что руководителя экспедиции «не выбрали баллотированием», и назначил на это место Б.В. Умского. Таким образом, в первые, самые ответственные годы он курировал вопросы строительства²³.

Обнаружено также интересное упоминание об опекунской деятельности И.Н. Тютчева. В «ведомости принимаемым младенцам», отправленной в Петербург в октябре 1764 г., есть раздел, озаглавленный «Вотчины штатского советника И.Н. Тютчева». В нем содержатся сведения о 15 принятых в июне–августе того же года младенцах, 9 из которых умерли. «Доктора, лекаря не было, и о болезнях или здоровье сказать нельзя», — добавляют авторы отчета. Возможно, речь идет об эксперименте по раздаче детей на вскармливание в крестьянские семьи, о котором упоминают авторы «Материалов» по истории Воспитательного дома²⁴. Кстати, заседания уже первые опекуны по разным причинам посещали не слишком аккуратно. Как правило, на них присутствовали три или четыре человека. Впятером собирались крайне редко.

Самым незаметным из опекунов первого набора оказался А.И. Болтин. Возможно, это было связано с тем, что, возлагая на себя опекунские обязанности, он рассчитывал поправить свое материальное и служебное положение, но не слишком преуспел ни в том, ни в другом. Первые опекуны, как уже отмечалось, не получали жалованья, но в переписке М.С. Похвиснева есть намек на то, что опекунам-отставникам были обещаны солидные должности на государственной службе. Самому Похвисневу по указу императрицы сохранялось жалованье «по чину из прежних лет»²⁵, очевидно, получаемое им на придворной службе. Б.В. Умской, часто отлучавшийся из Москвы, по-прежнему управлял имениями Бецкого и выполнял его поручения. И.Н. Тютчев в 1764 г. получил чин статско-

го советника и стал вице-президентом Юстиц-коллегии. Князь С.В. Гагарин сохранил свое придворное звание, в марте 1765 г. стал сенатором и тогда же был назначен президентом коллегии экономии. Только А.И. Болтин оставался не у дел и первым подал заявление об отставке. 27 октября 1765 г. Совет объявил ему об увольнении, а весной 1766 г. выхлопотал бывшему коллеге очередной чин бригадира²⁶.

С подбором новых опекунов, соответствующих формальным правилам «Плана», по-видимому, дело обстояло непросто. Недаром перед первыми опекунами была поставлена задача подыскивать себе коллег, но московские дворяне особого энтузиазма не проявляли. Те, кто имел чин не ниже VI класса, нередко отказывались от предложений под благовидными предлогами, желающие стать опекунами или не отвечали требованиям, или, может быть, выдвигали дополнительные условия. По тем или иным причинам, в источниках, как правило, не названным, в 1763–1764 гг. не состоялось назначение как минимум четырех кандидатов в опекуны²⁷. Наконец, 17 февраля 1765 г. Совет сообщал в Петербург о том, что желание стать опекуном изъявил отставной полковник Ф.И. Боборыкин. 2 марта 1765 г. его кандидатура была утверждена главным попечителем, а 11 апреля москвичи написали, что на следующем собрании объявят ему об опекунстве. 14 апреля 1765 г. Ф.И. Боборыкин пожертвовал на нужды дома 1000 руб. и с этого времени стал участвовать в работе Совета. Однако уже в начале августа того же года опекуны извещали Бецкого, что Боборыкин отсутствует на заседаниях после возвращения из Петербурга, а 15 сентября он попросил об увольнении. Причины столь кратковременного опекунства в документах не названы²⁸.

А.И. Дурново, объявивший о желании занять опекунскую должность еще в январе 1765 г., места долго не получал. Дело в том, что он служил тогда капитан-поручиком гвардейского Измайловского полка (VIII класс), т. е. имел чин на два ранга ниже, чем требовал «Генеральный план». В то же время ни опекунам, ни Бецкому не хотелось отказывать подходящему кандидату, тем более, что претендентов на вакантные места не хватало. Совет объявил Бецкому, что гвардеец «кажется честным», и оставил его назначение на усмотрение главного попечителя. Решение вопроса затянулось. Очевидно, Бецкой обсуждал проблему с представителями правящей верхушки, будущими почетными благотворителями. Только через год было найдено соломоново решение: 23 января 1766 г. Екатерина назначила А.И. Дурново заопекуном, «доколе впредь по чину его в настоящий вступить сможет»²⁹. При этом еще в 1765 г. Дурново получил следующий чин — гвардии капитана³⁰. Так в Воспитательном доме появилось новое звание. Заопекунами стали называть лиц, исполняющих опекунские обязанности.

Одновременно с А.И. Дурново назначение в Опекунский совет 23 января 1766 г. получил П.И. Вырубов, камер-юнкер и капитан лейб-гвардии Измайловского полка, участник переворота 1762 г., как и М.С. Похвиснев, награжденный 800 крепостными душами. Вырубов имел военный чин на ранг ниже, чем требовал закон, и еще до назначения обратился с прошением о следующем чине, но не получил его³¹. Однако это не помешало Вырубому стать полным опекуном. Этому, очевидно, способствовали его особые заслуги перед екатерининским двором. Видимо, Вырубов вскоре стал одним из доверенных лиц Бецкого. Во всяком случае, уже в марте 1767 г. в Петербурге они вместе «рассуждали» о строительстве нового здания в Москве, в результате чего в древнюю столицу отправились три

лучших плотника из «конторы строения зимнего Ея Императорского Величества дому»³².

После того, как в состав Совета вошли А.И. Дурново и П.И. Вырубов, число опекунов впервые за историю Воспитательного дома достигло шести человек (пять опекунов и один заопекун). Однако штаты Совета были заполнены в течение всего двух месяцев. К этому времени значительно уменьшилась активность М.С. Похвиснева. Летом 1765 г. он на несколько недель уезжал в свои деревни, а в декабре того же года отправился в столицу. В январе 1766 г. Бецкой имел о нем конфиденциальный разговор с императрицей. Об увольнении Похвиснева в переписке не упоминается, зато в списке попечителей он значится с 31 марта 1767 г.³³, а значит, к этому времени уже перестал быть опекуном. По собственной инициативе или нет, но Похвиснев положил начало традиции, в соответствии с которой многие опекуны после увольнения принимали на себя обязанности попечителей.

Итак, ко времени публикации второй и третьей частей «Генерального плана» в Опекунском совете осталось трое опекунов первого набора, новый опекун П.И. Вырубов и заопекун А.И. Дурново. В 1763 г. И.И. Бецкой не предполагал, что его проект «Об учреждении в Москве Воспитательного дома» через несколько лет потребует развития и превратится в первую часть «Генерального плана». Начало работы потребовало уточнения положений, носивших декларативный характер, помогло выявить пробелы в уставе, в частности, заставило Бецкого в 1767 г. обратиться к более четкому определению круга обязанностей опекунов и всех сотрудников Дома. К августу 1767 г. в Воспитательном доме, как уже отмечалось, сменилось четыре опекуна, работал уже пятый по счету главный надзиратель, возникали конфликты с надзирателями, экономами, строительными подрядчиками. Служащие жаловались Бецкому на опекунов, ссорились между собой, среди них обнаружались воры и растратчики. Содержание документа показывает неудовлетворенность главного попечителя работой своих сотрудников. Вторая и третья части «Генерального плана», утвержденные 11 августа 1767 г., открывались письмом главного попечителя к Опекунскому совету. Для успешной работы Дома, по мнению И.И. Бецкого, было необходимо: «1; чтобы уставы и узаконения во всем наиточнейше исполняемы были; 2; знать, как в последующее время производить в действие данные сему Дому привилегии»³⁴. Автор дополнил свой план определением того, «к чему обязаны начальники сего Дома», и «должностей подчиненных».

Первая глава второй части получила название «О должности Опекунского совета» и напоминала его членам о том, что «шести опекунам или советникам опекунства <...> над всем Воспитательным домом поручено правление». Опекунам следовало заслужить покровительство императрицы своим трудом. Главным правилом полагалось установить, чтобы *«всем людям без изъятия таковую же воздавать справедливость, какой бы мы себе в подобном случае от других требовали»*, не изменять положений «Генерального плана», признавать себя действительно *«отцами многих тысяч детей»* и *«сколь возможно не ошибиться в выборе для них приставников, учителей и самых служителей»*³⁵. Практика показала, что найти достойных людей трудно. Им нужно было назначать хорошее жалованье, рассчитывая сократить расходы в будущем, когда можно будет набирать педагогов из бывших воспитанников, которым заранее предполагалось

платить значительно меньше. Законодатель еще раз напомнил, что следует заботиться «не только о пище и об одеянии тела, но должно наипаче вселять в них (детей. — Т.Ф.) *добрые сердца* и благие нравы».

Уточнялись обязанности опекунов по контролю за доходами и расходами. В тех условиях, когда приход был неизвестен, им, естественно, полагалось заботиться об умножении доходов, но при этом «весьма остерегаться от всего, что *справедливости* противно, и несправедное имение *не сквернило бы* сего учреждения. От всех доходов, кои следуют обществу *в тяжесть*, а наипаче к утеснению *бедных*, должно иметь *омерзение*». Разрешалось пойти даже на небольшие убытки, если этого потребует помощь «*несчастливым или бедным*». В целях благополучия Дома Опекунский совет должен был тщательно сохранять «взаимное *соглашение*». Все договоры следовало исполнять на основе правил морали и внимательно следить за соблюдением привилегий Дома, о нарушениях которых полагалось оповещать главного попечителя и «требовать удовольствия» в государственных учреждениях. Важнейшей задачей опекунов И.И. Бецкой считал формирование в обществе «*поверенности, любви и почтения* к порученному нам месту»³⁶.

Большое внимание уделялось проблеме «текучести кадров» опекунов. Бецкой убеждал своих сотрудников, что опекунское звание несравнимо с «высокими *чинами и достоинствами*», не зависит от наград и наказаний. Опекуны служат «роду человеческому, служат Отечеству своему из *любви* к тому и другому», они принимают звание без всякого *принуждения*, и не ожидая награждения». В первой части «Плана» он разрешал опекунам уходить с занимаемой должности, предупредив Совет о своем намерении за полгода. В продолжении «Плана» он взывал к чести опекунов, которая, по его убеждению, «не допускает нас отлагать сего звания, которое мы *добровольно* на себя возложили, и коему благоденствие Отечества <...> единым есть *предметом*», без уважительных причин. «Кто таковое звание отвергнет, тот не иначе заставит о себе думать, как что *утрудился, делая благое, почувствовал в себе упадок любви к Отечеству, и от добродетели отрекся*», — утверждал закон.

Вторая глава второй части «Плана» посвящалась собраниям. Вводились обязательные для всех опекунов и главного надзирателя генеральные собрания, открывавшиеся ежегодно 21 апреля после окончания торжеств по случаю очередной годовщины Дома и годовых экзаменов. Генеральное собрание должно было работать ежедневно и заканчивать рассмотрение «годовых дел» к началу мая. Оно утверждало годовой отчет главного надзирателя и отчет о денежных суммах, проверяя их на точное соответствие «Плану». В ходе генерального собрания всем служащим Дома предлагалось доносить Совету о нужных исправлениях и замеченных ими упущениях, в том числе и анонимно. Подавать такие сообщения предлагал священник после окончания праздничной церковной службы. Имя доносителя могли знать только члены Совета. При рассмотрении подобных сообщений следовало действовать аккуратно, учитывая возможность ложных доносов.

Обычные собрания Опекунского совета полагалось проводить раз в неделю или дважды в месяц, в первый понедельник и последнюю субботу, заранее извещая коллег о предполагаемом отсутствии кого-либо из опекунов. Во всех важных случаях требовалось присутствие главного надзирателя с решающим голосом. Закон подробно регламентировал порядок обсуждения вопросов и принятия решений,

уделив особое внимание рассмотрению финансовых отчетов. Как полагалось и в других коллегиальных учреждениях, обсуждение начинал младший по чину. Решение принималось большинством голосов, поэтому голосование полагалось устраивать по предложению хотя бы одного из опекунов. По важным и сомнительным вопросам записывались особые мнения не согласных с большинством. Счетные книги полагалось рассматривать ежемесячно.

Третья глава второй части, «О приставниках в Доме», в значительной степени была посвящена нормам взаимоотношений между опекунами и служащими. Со всеми работниками им следовало поступать «по правилу истины и человеколюбия». О желании уволиться служащие должны были предупредить за три месяца, причем «у отрешаемых» полагалось «отнюдь не отнимать того, что кому принадлежит *по истине*. Лучше оставлять им несколько сверх надлежащего, нежели, волоча их по маловажным делам, <...> давать им справедливую причину жалобы производить. Нам поступать так надобно, чтоб каждый служил с удовольствием в сем доме, и вышедши, вспоминал бы об оном с похвалою». Всеми служащими, по «Плану», управлял главный надзиратель, ошибок которого опекунам велено было «не ставить в преступление». Распоряжения, адресованные ему, могли исходить только от собрания Опекунского совета. Если они противоречили «Генеральному плану», главный надзиратель мог доносить о том главному попечителю, на что опекуны не должны были обижаться.

Третья часть «Плана» развивала положения «о воспитании, сходственном с намерениями Воспитательного дома». Закон подчеркивал, что дети должны любить и почитать своих наставников, поэтому опекунам и другим начальникам следовало поступать с ними «*приятно, ласково и с учтивством*», а выговоры им делать с умеренной строгостью и не при детях.

Таким образом, И.И. Бецкой, преувеличивавший, как это было свойственно и другим его современникам, силу закона, во второй и третьей частях «Генерального плана» осветил основные трудности в работе Опекунского совета и во взаимоотношениях его со служащими Дома.

Закон произвел определенное впечатление на опекунов: в течение двух лет после его принятия Совет не покинул ни один из них, а позднее для увольнения опекуны старались отыскивать серьезные причины.

1 февраля 1768 г. в собрание Совета вступил действительный камергер князь С.М. Голицын³⁷. На протяжении полутора лет Опекунский совет заседал в полном составе. Тем более что 24 марта 1769 г. И.И. Бецкой дал согласие на то, чтобы А.И. Дурново стал полным опекуном³⁸. Последний получил чин бригадира и место во Втором департаменте Юстиц-коллегии, том самом, вице-президентом которого был И.Н. Тютчев³⁹. Став опекуном, Дурново энергично включился в работу. В мае 1769 г., не найдя понимания в Совете по одному из вопросов, он направил личное письмо Бецкому. Остальным опекунам это не понравилось, и они высказали главному попечителю свое «неудовольствие» действиями коллеги. В этом конфликте Бецкой поддержал Дурново. Он вновь представил его предложение «на дружелюбное гг. опекунов благорассмотрение». «Я с каждым особливо рассуждение имел и имею единственно о пользе Дома», — заявил главный попечитель, утверждая право А.И. Дурново на личное к нему обращение⁴⁰.

31 июля 1769 г. Совет извещал И.И. Бецкого о том, что И.Н. Тютчев написал заявление, в котором утверждал, что его слабое здоровье «здесь и в другом

месте служить не позволяет». Опекун сообщал, что стремится к «уединенной сельской жизни», просит уволить его со свидетельством и оставить в звании попечителя. Насчет «уединенной сельской жизни» Тютчев несколько лукавил. За годы опекунства он сделал успешную карьеру в Гражданском ведомстве. Получив еще в 1764 г. чин статского советника, он заседал во Втором департаменте Юстиц-коллегии, располагавшемся в Москве, и стал ее вице-президентом. Эту должность экс-опекун сохранил и после увольнения и в присутствии Второго департамента в январе 1770 г. благодарил Совет за поднесенное ему свидетельство. 6 февраля 1770 г. он стал попечителем⁴¹. Интересно, что на место И.Н. Тютчева опекуны уже в третий раз предлагали С.А. Бредихина, к тому времени действительного камергера, но назначение, как и прежде, не состоялось⁴².

В 1770–1771 гг. состав Опекунского совета претерпел значительные изменения, а его членов, как и всех москвичей, ожидали серьезные испытания.

В начале 1770 г. подал прошение о включении в число опекунов отставной полковник Н.Н. Салтыков. Бецкой согласился на его принятие. Однако 6 февраля 1770 г., получив письмо главного попечителя, Опекунский совет напомнил ему о своем решении 19 января 1768 г., по которому новичков сначала решено было определять в заопекуны, и именно на таких условиях опекуны предпочли бы включить в свое число Салтыкова. Бецкой утвердил их уточнение, и на собрании 23 февраля 1770 г. Салтыков был принят в состав Совета в качестве заопекун⁴³.

Одновременно с Н.Н. Салтыковым 6 февраля 1770 г. заявление о желании стать опекуном подал И.И. Мелиссино, пожалуй, самый известный государственный деятель из тех, кто принимал это звание во второй половине XVIII в. Тайный советник, обер-прокурор Синода в 1763–1768 гг., в это время он являлся куратором Московского университета. Очевидно, его просьба об опекунстве была согласована с И.И. Бецким. Совет отрапортовал главному попечителю, что ему известны достоинства кандидата и он готов принять Мелиссино в опекуны. 23 февраля 1770 г., на том же собрании, на котором Н.Н. Салтыков был объявлен заопекун, бывшего обер-прокурора Синода по воле И.И. Бецкого провозгласили полным опекуном. Испытательный срок для особы известной и «всякою честью наполненной» не потребовался. Вскоре главный попечитель оповестил Совет, что имеет на новичка особые виды. Он напомнил опекунам, что пришло время заботиться о профессиональном обучении взрослеющих питомцев и «учреждать ремесла, науки и мануфактуры». Для этого Бецкому, по его словам, требовался «особливый <...> трудолюбивый помощатель». «За способного к такому делу» он и нашел И.И. Мелиссино, потому «наипаче, что на многих языках корреспонденцию в чужих краях имеет»⁴⁴. Предполагалось, что организация профессионального обучения детей потребует переписки с иностранными ремесленниками и специалистами. Резонно опасаясь обидеть остальных опекунов, И.И. Бецкой напомнил им, что у П.И. Вырубова уже имеется постоянное поручение, а остальные также определены к какому-либо делу. На основании цитируемого выше письма И.И. Бецкого П.М. Майков в именном указателе к своей монографии именует И.И. Мелиссино помощником главного попечителя, но в «Генеральном плане», которого его автор строго придерживался, о такой должности не упоминается. Думается, что Мелиссино стал еще одним доверенным лицом Бецкого, сначала наряду с Вырубовым, а затем и вместо него. Об

«особливой доверенности» главного попечителя к чиновному опекуну упоминали и его коллеги⁴⁵. Используя высокий чин и связи Мелиссино, Совет поручал ему дела, требовавшие личных контактов с высокими чиновниками. К примеру, летом 1770 г. один из служителей был задержан и наказан московской полицией, а по привилегиям Дома его работники подлежали наказанию внутри самого учреждения. Совет подал военному губернатору П.Ф. Салтыкову жалобу на неправильные действия полиции, которую И.И. Мелиссино вручил ему лично. Начальнику московской полиции пришлось извиняться перед Советом⁴⁶.

10 мая 1770 г. подал прошение об увольнении предпоследний из опекунов первого набора князь С.В. Гагарин. Он объявил, что «должность свою опекунскую ныне за законными причинами исправлять более не может» и претендует на звание попечителя. 9 июля того же года И.И. Бецкой сообщал Совету, что князь объявил ему законную причину увольнения (как обычно, она не раскрывается). «И хотя я партикулярно Его сиятельство просил о продолжении еще несколько времени, но невозможности его превозмогли мою просьбу», — так изящно сформулировал главный попечитель полученный им отказ князя С.В. Гагарина. Высказывая сожаления по этому поводу, он обещал прислать князю свидетельство на пергаменте и принять его в ряды попечителей⁴⁷. Гагарин за годы работы в Совете по воле императрицы лишился поста президента Коллегии экономии, но продолжал оставаться сенатором. До 1773 г. он заседал сначала в Шестом, а затем в Третьем департаменте. Позднее, в отставке, он управлял имениями императрицы, т. е. сохранил ее доверие⁴⁸.

Летом 1770 г. Совет пополнился необычным членом — первым духовным лицом. Московский архиепископ Амвросий происходил из знатного молдавского рода и был одним из образованнейших людей своего времени. Он не раз делал пожертвования в пользу Дома. С 1768 г. в соответствии со второй частью «Плана» 21 апреля — день открытия Дома — стал отмечаться особенно торжественно. Архиерей установил правило, по которому он являлся на праздник в Воспитательный дом, читал проповедь, проводил богослужение в его церкви и присутствовал на экзамене, который держали дети, что, естественно, привлекало на церемонию богатых и знатных особ и увеличивало сумму подаваний. Не случайно опекуны именовали архиепископа «нашим благодетелем». 30 июля 1770 г. Бецкому, который стремился упрочить контакты с православным духовенством, пришла в голову мысль спросить у Амвросия, не примет ли он на себя звание опекуна. С этим предложением он немедленно обратился в Совет. К архиерею направили князя С.М. Голицына, самого знатного члена Опекунского совета. Амвросий заявил, что «он то богоугодное звание опекуна на себя охотно примет», и стал участвовать в работе Совета. Осенью 1770 г. он прислал в Петербургский филиал Дома, только что открывший прием детей, богослужебные принадлежности⁴⁹.

Осенью 1770 г. Совет покинул П.И. Вырубов, по поручению И.И. Бецкого курировавший вопросы строительства комплекса зданий Московского дома. В письмах к нему главный попечитель не раз передавал конфиденциальную информацию для Совета, ему он выражал признательность «за усердие и трудолюбие» в производстве строительных работ⁵⁰. Однако привилегированное положение П.И. Вырубова в Совете и привело к неприятностям. 11 сентября 1770 г., вероятно, из-за разногласий с другими опекунами, Вырубов через архитектора

Воспитательного дома К.И. Бланка «объявил, что опекунскую должность с себя снимает и от смотрения экспедиции строений отказывается», о чем уже написал в Петербург. 24 сентября главный попечитель отвечал Совету: «Весьма сожалительно, что Вырубов от звания опекуна суровым поступком отрекся, почему не остается более рассуждать, как исключить его из того звания». Одновременно И.И. Бецкой просил кого-нибудь из опекунов «в экспедицию вступить», и Совет поручил беспокойное дело сразу двум своим членам: младшему по стажу опекуну А.И. Дурново и заопекуну Н.Н. Салтыкову. Кстати, по предложению Совета Салтыков и занял опекунскую вакансию, освободившуюся после увольнения 5 октября 1770 г. Вырубова⁵¹. Дальнейшая судьба Вырубова сложилась вполне благополучно. Став в годы опекунства действительным камергером, он закончил службу действительным тайным советником и сенатором⁵².

К началу 1771 г. членами Совета были опекуны Б.В. Умской, А.И. Дурново, князь С.М. Голицын, И.И. Мелиссино, Н.Н. Салтыков и архиепископ Амвросий. 21 февраля 1771 г. Совет заслушал сообщение И.И. Мелиссино, которому И.И. Бецкой написал о своем согласии на вхождение в число опекунов члена Вотчинной коллегии полковника А.С. Волкова и члена Мануфактур-коллегии коллежского советника М.А. Пушкина. Опекунский совет напомнил главному попечителю о своем решении, принятом 19 января 1768 г., согласно которому «положено вступать не прямо в опекуны», а сначала в заопекуны, и предложил принять заявителей на этих условиях. При этом Совет заявил, что знает обоих претендентов как «людей известных и честных». Опекуны заверили, что вместе с И.И. Бецким и И.И. Мелиссино осознают «надобность <...> сих господ для Воспитательного дома как по их отличным достоинствам, так и по местам их в коллегиях». Появление новых кандидатов в опекуны при том, что штаты Совета были заполнены, явно стало результатом усилий главного попечителя и его «помогателя». «Свой человек» в Мануфактур-коллегии потребовался в связи с организацией учебных мануфактур и фабрик Дома. Выдача от имени Воспитательного дома ссуд под залог недвижимости вызывала необходимость тесных контактов с членами Вотчинной коллегии. 11 марта 1771 г. И.И. Бецкой известил Совет о своем согласии на принятие обоих чиновников в число заопекунов. Оба получили неслучайные назначения: 23 апреля 1771 г. А.С. Волкова попросили наблюдать за «порядочным содержанием при оном Совете письменных дел», из которых самым важным было оформление закладных документов, а М.А. Пушкин направлен в помощь И.И. Мелиссино для «присмотра мануфактур и рукоделий»⁵³. Итак, весной 1771 г. Опекунский совет достиг максимальных размеров и состоял из восьми человек.

Впрочем, в 1771 г. на плечи опекунов легли чрезвычайные заботы. Еще 19 марта врач Воспитательного дома представил собранию план действий по борьбе с распространявшейся в древней столице «опасной и прилипчивой болезни» (эпидемии чумы. — *Т.Ф.*). Совет, в работе которого участвовали все опекуны, кроме Б.В. Умского (его в Москве не было, по крайней мере, со второй половины 1770 г.), проявил самостоятельность и оперативность. Не дожидаясь запоздавших распоряжений из Петербурга, он принял рекомендации доктора. Прием детей и родильниц на месяц, до 19 апреля, был закрыт. Контакты служителей с внешним миром максимально ограничены, строительные работы прекращены. Опекуны собирались в доме Мелиссино. Они обратились к своему коллеге ар-

хиепископу Амвросию с просьбой в случае появления больных детей выделить для их помещения «пристойный монастырь». Однако архиерей пояснил, что все крупные монастыри «по требованию для такового опасения отданы полиции в ведомство», и Совет решил послать письменный запрос по этому поводу к обер-полицеймейстеру. Через месяц карантинные предосторожности были отменены⁵⁴.

Однако в августе того же года эпидемия чумы в Москве, как известно, вспыхнула с новой силой и достигла апогея. Многие чиновники и просто состоятельные люди покинули опасный город. Среди них оказались и некоторые члены Опекунского совета. Последняя в 1771 г. подпись заопекуна А.С. Волкова стоит под письмом И.И. Бецкому, датированным 7 июня. Опекун Н.Н. Салтыков оставался в Москве, по крайней мере, до 14 июля, а князь С.М. Голицын — до 11 августа. В этот день состоялось чрезвычайное собрание Совета, в ходе которого было «учинено определение о принятии в Доме предосторожностей по причине продолжающейся во всех частях города прилипчивой болезни». После этого регулярные заседания Совета прервались. 11 августа последнюю подпись под письмом Бецкому поставил и архиепископ Амвросий. Можно предположить, что, не покидая Москву, архиерей продолжал участвовать и в делах Дома, но на следующем чрезвычайном заседании, состоявшемся 11 октября, его уже не было. Перерыв в заседаниях опекуны И.И. Мелиссино, А.И. Дурново и заопекун М.А. Пушкин объясняли отсутствием в Москве многих своих коллег. Они известили главного попечителя о том, что благодаря принятым предосторожностям в Доме все обстоит благополучно, а обычное течение дел нарушено продолжающейся бушевать эпидемией. «А как ныне по обстоятельствам опасным в Москве частые собрания в Совете невозможны, того ради Вашему Высокопревосходительству Совет имеет писать токмо тогда, когда чрезвычайные обстоятельства того будут требовать и собраться будет возможно, прочие же уведомления партикулярно от И.И. Мелиссино или от кого из других обретающихся здесь г. опекунов писаны будут», — так закончили свое письмо три члена Совета⁵⁵.

Следующее официальное письмо в Петербург было отправлено 1 ноября 1771 г. Основная информация о страшных событиях недавних дней в Москве, несомненно, передавалась в частной переписке. Во всяком случае, в письме не говорится ни слова о судьбе опекуна архиепископа Амвросия, убитого 16 октября во время чумного бунта. Тройка опекунов сообщает лишь о том, что чрезвычайное собрание по причине продолжающейся эпидемии состоялось на квартире М.А. Пушкина, а в Дом болезни, к счастью, проникнуть не удалось. Кроме того, опекуны сообщали о решении срочных финансовых вопросов и отсылали в Петербург копии материалов своей переписки с комиссией по борьбе с эпидемией. Дело в том, что государственная комиссия требовала отправки в ее распоряжение четырех медиков Дома, на что опекуны ответили отказом и просили, в случае необходимости, поддержки И.И. Бецкого. В письме от 10 ноября И.И. Мелиссино и М.А. Пушкин извещали главного попечителя, что по его требованию А.И. Дурново взял на себя организацию специального отделения по приему детей и родильниц на время эпидемии. Из дальнейшей переписки известно, что оно открылось 20 ноября. Кроме того, в особом здании Воспитательный дом организовал и прием детей, осиротевших в результате эпидемии. Следует подчеркнуть мужественное поведение всех трех опекунов, возглавивших работу Дома и

способствовавших тому, что его воспитанники не пострадали от эпидемии. Особенно велики были заслуги А.И. Дурново. Он не только открыл временное приемное отделение в собственном доме, возглавил его, но кормил и содержал детей за свой счет. А.И. Дурново курировал также и организованный иждивением московских купцов М.А. Евреинова и Д.И. Тележникова дом для детей, осиротевших от чумы. Он представил и списки к награждению отличившихся в борьбе с болезнью сотрудников Дома и купцов-благотворителей⁵⁶.

Постепенно жизнь возвращалась в нормальную колею. Не позднее 12 декабря в Москву вернулся Н.Н. Салтыков. В феврале 1772 г. из Петербурга прибыл обоз с тканями, уксусом и другой «материальной помощью». Вместе с ним, очевидно, вернулся в Москву и Б.В. Умской. 15 февраля, после окулирования «надлежащими порошками» и молебна, возобновились заседания в зале Опекунского совета. Ранее Совет продолжал собираться на квартирах М.А. Пушкина или И.И. Мелиссино.

В начале апреля 1772 г. на собраниях появился А.С. Волков. Только князь С.М. Голицын отсутствовал до 2 июля. Осенью 1772 г. были ликвидированы особые отделения, а все дети приняты в число питомцев Дома. Наконец, 29 ноября 1772 г. состоялось «торжество о прекращении болезни», и Воспитательный дом, как и прежде, открыл свои двери для публики⁵⁷.

В те дни, когда Москва стала центром страшной эпидемии, в Петербурге появился зародыш будущего Воспитательного дома. Главный попечитель стремился открыть Петербургский филиал одновременно с Московским домом, но его удалось основать только в 1770 г. 15 марта 1770 г. Екатерина II подписала доклад И.И. Бецкого «О назначении места для построения Воспитательного дома в Петербурге» и выделила на это «доброе начинание» 5000 рублей⁵⁸. Дому передавался Смольный запасной двор на берегу Невы, принадлежащий, но «ныне не надобный» Воскресенскому Новодевичьему монастырю.

Прием младенцев начался 1 октября 1770 г., но до 1772 г. юридическое положение Дома в Петербурге не было определено. Официальный статус Петербургский дом получил по сенатскому указу 6 сентября 1772 г. «О учреждении Санкт-Петербургского отделения Императорского воспитательного дома и об открытии в оном заседания».

Между тем, 1772 г. стал важной вехой в жизни Опекунского совета. Впервые, разразился очень неприятный скандал, нашедший лишь косвенное отражение в документах Совета. Весной 1772 г. из документов Воспитательного дома исчезло имя заопекуна М.А. Пушкина. Последний раз он подписал письмо И.И. Бецкому 1 марта 1772 г.⁵⁹ Материалов об его официальном увольнении не обнаружено. Однако из переписки Екатерины, опубликованной в сборнике П.И. Бартенева «Осьмнадцатый век», становится ясно, что в начале марта 1772 г. он был арестован и вместе с братом капитаном С.А. Пушкиным обвинен в подготовке к изготовлению фальшивых ассигнаций. Бумажные деньги введены были в России только в 1769 г., и делом злоумышленников императрица занималась лично⁶⁰. В октябре 1772 г. Сенат их осудил на смертную казнь, но Екатерина, учитывая, что «действительного вреда» от их замысла еще не последовало, смягчила приговор. С.А. Пушкин, вероятно, инициатор замысла, «уже наперед своими бесчестными делами в публике оглашенный» и задержанный с привезенными из Голландии «штемпеями», был приговорен к «вечному заключению».

Заопекунна Воспитательного дома коллежского советника Мануфактур-коллегии М.А. Пушкина, как «преступника и человека, презревшего общую к себе доверенность по знатности своего чина и места», велено было отправить «в ссылку в дальние сибирские места». Братьев лишили дворянства. Екатерина приказала «обоих сих преступников нигде и ни в каких делах не называть Пушкиными, но бывшими Пушкиными»⁶¹. С.А. Пушкин окончил свои дни в тюрьме Соловецкого монастыря. К М.А. Пушкину, скончавшемуся в Тобольске, в ссылку с разрешения императрицы приехала молодая жена, оставив маленького сына, по сведениям П.И. Бартенева, у своей приятельницы П.В. Мелиссино, жены опекуна⁶². Это подтверждает тот факт, что М.А. Пушкин являлся близким знакомым И.И. Мелиссино, помощником которого он состоял в Воспитательном доме. Возможно, и в заопекуну Дома он попал благодаря доверенному лицу главного попечителя.

Так или иначе, история с М.А. Пушкиным не могла не поколебать положение И.И. Мелиссино. Когда чумная эпидемия утихла, он возобновил усилия по выполнению своей главной задачи — организации профессиональной подготовки питомцев. Опекун убедил коллег подписать контракты с мануфактурщиком М. Геом и К. Манжиотом, мастером кожевенного и перчаточного дела, сославшись на поддержку И.И. Бецкого. В апреле 1772 г. выяснилось, что главный попечитель оставлял окончательное решение на усмотрение Совета, и последний, как можно предполагать, словом или делом отреагировал на это известие. Высокомерный опекун был оскорблен в лучших чувствах. 11 мая 1772 г. он «призывал к себе главного надзирателя г. Насонова, Совету объявить приказал, что он в собрание никогда ездить не будет». Опекунский совет записал сообщение С.Н. Насонова в журнал. Предусмотрительность оказалась не лишней. Успокоившись, И.И. Мелиссино сообщил главному попечителю о своем желании «по слабости здоровья и многим обстоятельствам освободиться от опекунской должности» и стать попечителем. И.И. Бецкой отправил в Москву попечительский лист, но, выяснив обстоятельства, при которых его протеже оставил свой пост, согласился с мнением Совета. За «раздражительный» для Совета отзыв его объявили не уволенным, а исключенным. Свидетельства об опекунстве и попечительского звания ему решено было не давать⁶³. Так выглядела внешняя канва событий. Глубинной причиной конфликта, скорее всего, послужил конфуз с М.А. Пушкиным, оказавшимся уголовным преступником. Контракт с мастерами был разорван, Совет втянулся в длительные тяжбы с ними. В конце концов, дело было передано в суд, и мануфактурщики подверглись преследованиям⁶⁴.

Во-вторых, в этом году было официально оформлено появление филиала Воспитательного дома — его Санкт-Петербургского отделения, и у московских опекунов начали появляться коллеги — петербургские заопекунны.

В-третьих, положение опекунов изменил новый закон. 20 ноября 1772 г. императрица подписала «Высочайше утвержденное Генерального плана императорского Воспитательного дома исполнительное учреждение Вдовьей, Ссудной и Сохранной казны в пользу всего общества». Новые заведения создавались на основании полученных Домом привилегий и были призваны обеспечить его финансовое благополучие. По предложению И.И. Бецкого и других авторитетных чиновников Екатерина II значительно увеличила полномочия и преимущества Опекунского совета и главного попечителя. Доклад Бецкого и текст самого «Учреждения» за-

вершались «Дополнением, утверждающим ненарушимость порядка», причем из содержания «Дополнения» было ясно, что новые положения корректировали «Генеральный план». В разработке документов, по словам главного попечителя, участвовали и члены Опекунского совета. «Учреждения» официально считались актами, дополнявшими законодательство о призрении сирот.

Лица, обращавшиеся к услугам Воспитательного дома как финансового учреждения, несомненно, рассчитывали на его привилегированное положение в системе государственных учреждений, и для того, чтобы деятельность всех трех подразделений казны была успешной, Бецкой поспешил подтвердить и расширить привилегии Воспитательного дома и его Опекунского совета.

Кроме того, создание новых финансовых учреждений при Доме еще более расширило круг обязанностей опекунов, и без того увеличившихся к этому времени. К началу 1770-х гг. удалось в какой-то мере справиться с проблемой младенческой смертности. Число питомцев росло, было положено начало общему и профессиональному обучению детей, продолжалось строительство, расширялись штаты, наконец, открылось отделение в Петербурге. Опекуны же по-прежнему продолжали работать, так сказать, «на общественных началах», без оставления основного места службы. Опекунский совет отличался несамостоятельностью, часто не желал брать на себя ответственность за решения, его члены нередко мнялись, иногда выказывали неуважение к своему занятию.

Дополнение 1772 г. превращало коллективных руководителей Дома в профессионалов. Закон потребовал, чтобы Опекунский совет состоял из лиц, которые, не «отягощая себя более никакими исправлениями дел прочих мест, устремляли бы свое тщание единственно быть безотлучными в препоручаемых делах Воспитательного дома»⁶⁵, а потому определил им жалованье до 1000 рублей в год.

Изменился и статус Опекунского совета среди государственных учреждений. По предложению сановников, подписавших доклад Екатерине II с одобрением планов Вдовьей, Ссудной и Сохранной казны, во время официальных церемоний Опекунский совет «для общенародного уважения» считался равным Коллегиям. Совет официально приобрел черты центрального государственного учреждения.

Повысился и статус самих опекунов. «Во уважение столь отличного их усердия к пользе каждого гражданина» они получили право обращаться к императрице для защиты по личным делам. Эта привилегия давалась им только на время опекунства. Сенат и Синод не могли посылать указы прямо в Воспитательный дом. Генерал-прокурору Сената и обер-прокурору Синода полагалось сообщать их главному попечителю «при партикулярных своих письмах определения сенатские и синодские, касающиеся именно до Воспитательного дома»⁶⁶. Коллегии и банковские конторы должны были представлять в Опекунский совет справки об имениях, закладываемых в Ссудной казне.

Возросла и ответственность опекунов, вводилась своеобразная внутриведомственная демократия. «Во уверение обществу о исправном отправлении должности» ежегодно 21 апреля на генеральном собрании в присутствии попечителей со званием не ниже обер-офицерского чина и почетных благотворителей происходило «баллотирование» главного попечителя, опекунов, заопекунов (они продолжали исполнять опекунские обязанности без жалованья) и прочих начальников, т. е. они получали своеобразный вотум доверия своих коллег

на следующий год. В голосовании должно было принимать участие в сумме в Москве и Петербурге не менее 13 человек. Число опекунов разрешалось увеличить в два раза «из г. заопекунов вступающих». Планка формальных требований к претендентам снижалась, а возможности их продвижения по ступеням Табели о рангах увеличивались. В Совет приглашались «желающие, не ниже имеющих звание штаб-офицерского чина (чины VI–VIII классов), пользуясь произведением до коллежского советника, с заслугою каждый ранг по три года». Опекуны также приносили присягу, клятвенно обещая исполнять свой долг по воле императрицы. Текст присяги прилагался к «Исполнительному учреждению». Опекунскому совету подчинялся штат служителей Дома — от главного надзирателя до прислуги.

Весной 1773 г. Опекунский совет покинули два его члена. В апреле князь С.М. Голицын подал просьбу об увольнении И.И. Бецкому, а в начале мая объявил Совету, что «за законными его нуждами опекунской должности более исполнять не может». Князь был уволен со свидетельством и благодарственным письмом. 17 мая того же года И.И. Бецкой сообщил Совету, что еще в ноябре 1772 г. заопекун А.С. Волков написал ему о своих проблемах и заявил, что ему полезнее было бы просить об увольнении. Из Москвы ответили, что просьбы об увольнении от А.С. Волкова не поступало, но в Совете он не появлялся уже 11 месяцев, так что против его увольнения возражений нет⁶⁷. На место С.М. Голицына И.И. Бецкой предлагал опекунам включить в состав представителя не менее знатного рода князя М.И. Долгорукова, сына фаворита Петра II и отца будущего поэта и мемуариста. М.И. Долгоруков являлся протеже Б.В. Умского. Сведения о его желании быть опекуном находим в письмах Умского к Бецкому. Старейший из опекунов еще в январе 1773 г. сообщал о его намерениях главному попечителю, добавляя, что князь, «Строганов шурин», является человеком «добрым». В письме от 23 мая того же года он вернулся к прежней теме, напоминая И.И. Бецкому, что князь М.И. Долгоруков, отставной капитан Семеновского полка, находился на хорошем счету и желает быть опекуном со званием армейского полковника и жалованьем. На предложение главного попечителя опекуны (А.И. Дурново, Н.Н. Салтыков и сам Б.В. Умской) отреагировали сдержанно: они заявили, что «о состоянии и поведении Его сиятельства не которой из членов совершенно не знает» и потому решение о включении князя в число заопекунов они оставляют на его усмотрение⁶⁸. В преддверии скорых выборов и введения жалованья Бецкой, очевидно, решил повременить с его определением.

Назначение жалованья, как и следовало ожидать, способствовало резкому увеличению числа кандидатов на опекунские должности. Кроме тех, кто успешно прошел процедуру голосования, заявления на опекунство в 1773 г. подавали, по крайней мере, еще два человека (коллежский советник и бригадир), а в список для баллотирования были дополнительно внесены шесть человек, в том числе представители графской и княжеской фамилий, чины которых не указаны. Организации голосования И.И. Бецкой придавал большое значение, он просто засыпал Москву своими инструкциями и рекомендациями. Первые выборы состоялись в древней столице 24 декабря, а в новой — 28 декабря 1773 г. Избранными оказались все действующие члены Совета: А.И. Дурново, Н.Н. Салтыков, Б.В. Умской. К ним присоединились четыре новичка: трое отставных офицеров — уже упоминавшийся князь М.И. Долгоруков, капитан Преображенского

полка А.А. Лопухин, полковник А.П. Павлов и один гражданский чиновник — надворный советник П.Ф. Нащокин. Бецкой был удовлетворен итогами первых выборов, выразил надежду на «радение и рвение» новых опекунов, а прежним рекомендовал «принять их дружелюбно, <...> показав по новости их все внутренние распорядки»⁶⁹. 30 января Совет объявил о введении в собрание новых членов и ознакомлении их с порядками и внутренним устройством.

Весной 1774 г. Совет пополнился еще одним новым членом. Впервые в его состав был включен опытный работник Дома невысокого ранга. С.Н. Насонов, проработавший в Доме семь лет, из них почти шесть бывший его главным надзирателем, подал заявление о желании быть опекуном еще 8 августа 1773 г. Видимо, главный попечитель представил его прошение на усмотрение Совета. 24 марта 1774 г. новый состав опекунов поддержал намерение главного надзирателя. Совет утверждал, что кандидат «привязан любовью к питомцам», служба его была «неленостна и сообразна Плану Воспитательного дома», а успехи питомцев «являют рачительные его об оных попечения неусыпные»⁷⁰. Опекуны посчитали С.Н. Насонова человеком достойным, нужным и полезным, они предложили наградить его чином и включить в Совет сначала в качестве заопекуна. Бецкой хорошо знал Насонова (сохранилась его обширная переписка с главным попечителем 1772–1773 гг., посвященная повседневной жизни Дома) и согласился с мнением Совета. Он учел и то, что, как главный надзиратель, С.Н. Насонов получил при голосовании в конце 1773 г. «хорошее число баллов», и пообещал похлопать о чине для него. 10 апреля 1774 г. после получения письма Бецкого опекуны объявили Насонову об утверждении его заопекуном⁷¹.

Однако такая «многонаселенность» Совета продолжалась недолго. Появление новых опекунов послужило сигналом к увольнению старых, так что произошла полная смена поколений опекунов. 17 февраля 1774 г. заявление о желании сложить звание «по обстоятельствам и слабости здоровья» подал Н.Н. Салтыков. Совет поднес И.И. Бецкому представление об увольнении опекуна со свидетельством, отметив его «рачительную службу» и попросив наградить чином «по примеру государственных коллегий». Бецкой приказал уволить Салтыкова со свидетельством и благодарственным письмом⁷². В апреле 1774 г. Совет покинули оба его должителя — Б.В. Умской и А.И. Дурново. 2 апреля 1774 г. первый из них заявил коллегам, что работает в Совете уже 11 лет, считает невозможным далее продолжать этот труд и «с прискорбием» слагает с себя опекунское звание. Опекуны напомнили главному попечителю, что Б.В. Умской действительно, как никто из опекунов, трудится с открытия Воспитательного дома. Они просили наградить его «следующей степенью» за многолетнее служение, «также ж за рачительность и труд подъятия при открытии в Санкт-Петербурге воспитательного отделения и в распоряжении тамо установления»⁷³. Умской, как уже отмечалось, был одним из опекунов, близких Бецкому, и занимался преимущественно хозяйственными вопросами. Не исключено, что после отказа Н.Н. Салтыкова курировать экспедицию строений эти функции, как и в первые годы работы Дома, перешли к Б.В. Умскому. Сохранились личные письма Умского главному попечителю за 1772–1773 гг. В основном они дополняют сведения, известные по деловой переписке. Автор дает оценки своим коллегам. Он поддерживает «благодетеля» Дома П.А. Демидова, журит А.И. Дурново и главного надзирателя

С.Н. Насонова, упрекая их в «мягкости сердца» и неспособности ликвидировать злоупотребления, связанные с отправкой детей в деревни.

Вместе с тем, из переписки И.И. Бецкого с А.И. Дурново за 1773 г. видно, что главный попечитель критически относился к тогдашним опекунам. В письме, отправленном 24 октября 1773 г., Бецкой с раздражением замечал, что давно ничего не слышал от Совета, в котором, судя по всему, «опекуны бывают редко» или «никогда вместе не встречаются». К тому же, главный попечитель узнал о произвольном отъезде Б.В. Умского в свои деревни. Он потребовал у А.И. Дурново провести расследование, в случае необходимости призвать нарушителя дисциплины к «суду и ответу» и даже пригрозил передать его дело гражданскому суду. Срочно возвратившийся в Москву Умской поведал, что «сие последовало по необходимости его крайности в собственных его делах, <...> почему о делах Дома немного умедлил»⁷⁴. Материалы личной переписки дают возможность предположить, что к началу 1774 г. отношения И.И. Бецкого со старыми опекунами разладились. Возможно, это стало одной из причин их увольнения.

10 апреля 1774 г. прошение об увольнении подал и А.И. Дурново, ссылаясь на «частые болезни». Этот заслуженный опекун также пользовался доверием главного попечителя. 30 апреля 1773 г. Бецкой советовал опекунам поручить именно Дурново убеждать представителей московской знати вступать в число почетных благотворителей. В личных письмах к И.И. Бецкому за 1773 г. А.И. Дурново доносил главному попечителю о своих действиях в этом направлении. Он «вербовал» кандидатов не только в почетные благотворители, но и в опекуны, однако в последнем не преуспел. В ответ на обвинения Бецкого относительно плохой организации работы Совета Дурново сообщал, что прилагает все усилия «к собранию Совета», в котором сам бывает «почасту», даже больной. С ноября 1773 г. главное содержание его писем составляли жалобы на то, что он Сенатом несправедливо «обойден чином», поскольку в Юстиц-коллегии «4 года правил департаментом, а уступил место пьянице Колошину». Опекун заявлял, что «уповал» на привилегии Воспитательного дома и свои заслуги «во время заразительной болезни» и просил заступничества главного попечителя⁷⁵. Возможно, карьерные неудачи и побудили его отказаться от опекунства. А.И. Дурново был уволен с письменным свидетельством, он покинул также Юстиц-коллегию и позднее служил в дворцовой конторе. В январе 1776 г., став уже действительным статским советником, он подал прошение о приеме в число попечителей. Высылая ему попечительский лист, И.И. Бецкой (через полтора года после увольнения!) выразил сожаления о потере такого честного и достойного опекуна, по его словам, «сущей добродетели»⁷⁶.

Опекуны, начавшие службу в 1774 г., по предложению И.И. Бецкого заложили новую традицию, по которой ежемесячно одному из них поручалось «входить в подробности дел, касающихся до Совета, прежде чем полное бывает собрание» и вести переписку по делам Совета⁷⁷. При них также несколько усложнилась структура переписки Совета с главным попечителем. Деловые, так называемые акты письма, передающие содержание журналов Совета, с 1774 г. дополнились письмами партикулярными, менее официальными по содержанию. Опекуны, приступившие к работе в 1773 г., были первыми членами Совета, получавшими жалованье. Отдельных членов Совета, возможно, более состоятельных, это стимулировало к особой форме пожертвований — передаче в пользу Дома своего жалованья или его части. 22 мая 1774 г. Совет сообщал в Петербург, что князь

М.И. Долгоруков в знак благодарности за жалование 1000 руб. за первый год службы решил оставить «в подаяние питомцам». Деньги положили в Сохранную казну, и на проценты от капитала решено было содержать двух детей «с отменными знаками». 8 сентября 1773 г. Совет написал И.И. Бецкому о намерении опекуна П.Ф. Нащокина оставлять Дому 1/3 годового жалования⁷⁸.

Новый Совет энергично принялся за дела, устраняя недоработки своих предшественников. Кроме внутренних проблем, в начале 1775 г. особое значение приобрели официальные дела. Весной этого года в древней столице в связи с торжествами по окончанию войны с Турцией ожидали прибытия императрицы. Опекунов и главного попечителя волновал вопрос о том, какое место в ходе церемоний займет «корпус Совета», который по дополнению к «Генеральному плану» приравнивался к коллегиям. Ситуация осложнялась тем, что Бецкой, обремененный не только солидным возрастом, но и разнообразными обязанностями, не приехал в Москву вместе со всем двором. В связи с этим главный попечитель еще раз обратился к почетным благотворителям с просьбой не оставлять без уважения ходатайства опекунов.

Сам Совет также настойчиво отстаивал свои корпоративные интересы. Накануне приезда Екатерины 24 января 1775 г. Совет получил приказ из Сената, что нарушало законы, согласно которым высшее государственное учреждение имело право лишь сообщать опекунам о своих решениях через главного попечителя. В Совете пакет не стали распечатывать. К генерал-прокурору князю А.А. Вяземскому, являвшемуся одним из почетных благотворителей, по поручению опекунов отправился князь М.И. Долгоруков. Генерал-прокурор указ принял, извинившись, сообщил, что произошла канцелярская ошибка. О содержании указа он пообещал известить И.И. Бецкого. Из последних распоряжений Сената опекунам было известно, как должна была выглядеть церемония встречи императрицы. «Предводителем всех коллегий» во время этого мероприятия был А.П. Мельгунов. К нему и адресовался Совет, представив, что «как узаконение Воспитательного дома корпусу Опекунского совета дает место во всех государственных церемониальных случаях с государственными коллегиями, то соизволено ли будет присоединить оной к сей церемонии». Для объяснения по этому поводу был направлен П.Ф. Нащокин. А.П. Мельгунов уверил Совет, что его члены «в сей церемонии с прочими государственными коллегиями место занимать будут»⁷⁹.хлопоты опекунов увенчались успехом.

Беспокойство опекунов вызывал и предстоящий визит Екатерины в Воспитательный дом. В те же январские дни 1775 г. Совет попросил главного попечителя снабдить его на случай монаршего визита соответствующим наставлением. В ответном письме опытный придворный И.И. Бецкой со свойственной ему обстоятельностью разъяснил, что прием может быть двоякого вида: «один бывает формальной, где все приличествующее уважению монарха почтение соблюдено быть должно». О таком визите извещают заранее, и тогда Совету следует распорядиться, как «детей ранжировать» и в каком месте говорить ту или иную речь. Однако, скорее всего, по его мнению, императрица посетит Дом без соблюдения формальностей. В этом случае «по причине почитаемой внезапности» ничто не должно казаться «отменным приготовлением, запросто с обыкновенным наблюдением чистоты принимается, не делая ни токмо никаких церемоний, но и никакого вида быть не надлежит, будто бы кто о том и знал»⁸⁰.

Екатерина II посетила Воспитательный дом 24 апреля 1775 г., на следующий день после празднования одиннадцатилетней годовщины его открытия. Визит, видимо, носил неформальный характер. Внешне все выглядело благопристойно. Императрица предстала перед воспитанниками, выслушала заготовленные заранее на всякий случай речи, пожертвовала 2000 руб. в пользу Дома, перевела по 300 руб. на счет каждого из двух детей — мальчика пяти лет Ивана Иванова и девятилетней девочки Прасковьи Ивановой, преподнесшей ей кружево своего плетения, выразила свою признательность опекунам и «приставникам». Опекуны через князя Г.А. Потемкина 26 апреля добились ответного визита Екатерине для выражения ей благодарности. Членов Совета, а также за-главного надзирателя А.И. Эссига и директора казны К.И. Фрейденберга императрице представил почетный благотворитель князь А.М. Голицын. Они были допущены к «руке Ея Императорского Величества». При этом в переписке с И.И. Бецким Екатерина с раздражением отметила, что нашла воспитанников неловкими, непонятливыми, молчаливыми и угрюмыми⁸¹.

Тогда же, 21 апреля 1775 г., во время баллотирования все опекуны были переизбраны на следующий срок, т. е. заручились квалифицированным большинством выборщиков. Некоторые из них не получили «ни одного оуждающего балла». С.Н. Насонов добился опекунского звания и чина контролера⁸².

Главный попечитель придавал большое значение правильному функционированию ведомственной избирательной системы. Однако в ходе второго голосования в Москве 18 апреля 1775 г. произошли, как считал И.И. Бецкой, серьезные нарушения «обряда». На выборы по разным причинам и без уважительных причин не явились многие почетные благотворители, а Опекунский совет не в полной мере обеспечил им замену в лице старших служащих Дома. Наибольший гнев главного попечителя вызвали дошедшие до него известия о том, что во время «баллотирования» некоторые из опекунов «прямо отважились <...> говорить о пороках других публично», т. е. вели, выражаясь современным языком, запрещенную предвыборную агитацию против одного из кандидатов⁸³. Опекунский совет получил словесный нагоняй И.И. Бецкого, изложенный в двух длинных письмах. После этого сведений о нарушении процедуры в Петербург не доходило.

Конфликт произошел из-за А.И. Эссига, исполнявшего обязанности главного надзирателя. Против него решительно выступила часть опекунов. По словам самих членов Совета, явившиеся на баллотирование почетные благотворители потребовали от них сведений о новых кандидатах, что и вынудило их выложить нелицеприятную информацию об А.И. Эссиге. И.И. Бецкой считал, что их подстрекал цензор — помощник А.И. Эссига итальянец И. Котти, который рассчитывал занять место своего непосредственного начальника. В ходе выборов 1775 г., несмотря на старания ряда опекунов, Эссиг получил необходимое число «белых баллов», а Котти пришлось уволиться. В связи с этой историей главный попечитель упрекал Совет в склонности к интриге, неумении и нежелании решать конфликты «правильным» путем. По его представлениям, один из опекунов должен был сначала побеседовать с нарушавшим этические нормы и положения «Плана» чиновником наедине. Если бы это не помогло, его следовало вызвать на заседание Совета, а затем сообщить об упрямце главному попечителю. Он встал на сторону исполняющего должность главного надзирателя, несмотря на «грубый,

гордый, несносный» нрав последнего: высокие визитеры 1775 г. не столь мрачно оценивали положение в Доме, как его описывал Опекунский совет, а другой подходящей кандидатуры на беспокойное место не было⁸⁴. Некоторые члены самого Совета, по информации И.И. Бецкого, не решили ни одного дела без спора. Эти неназванные по именам лица советовались со своими московскими знакомыми, копировали для себя служебные бумаги и разглашали по городу сведения о Воспитательном доме, что вызывало крайнее его неодобрение⁸⁵.

Возможно, недовольство И.И. Бецкого отдельными опекунами и привело к тому, что в полном составе Совет продержался недолго. 13 мая 1775 г. в партикулярных письмах опекуны известили И.И. Бецкого о «крайней нужде» князя М.И. Долгорукова «отлучиться в отдаленные деревни для поправления разорения оных» в ходе пугачевского бунта. 4 июня 1775 г. он подал заявление о сложении по этим причинам опекунского звания. Опекунский совет просил удовлетворить его просьбу и выразить ему признательность. Главный попечитель в своем партикулярном письме не преминул заметить, что объявление об увольнении должно было последовать за полгода до ухода, а еще «лучше к удовольствию и чести» — проработать до следующего голосования. Тем не менее, обстоятельства М.И. Долгорукова он признал уважительными и согласился отпустить князя «с прискорбием» и свидетельством⁸⁶.

8 июня 1775 г. увольнения «по слабости здоровья» попросил А.А. Лопухин. И.И. Бецкой по представлению Опекунского совета 23 июля 1775 г. распорядился уволить его со свидетельством и обычной благодарностью⁸⁷.

27 августа 1775 г. П.Ф. Нащокин обратился с просьбой о длительном отпуске «по слабости здоровья» для поездки на два с половиной года «в чужие края к водам», чтобы по выздоровлении продолжать трудиться на опекунской должности. Опекунский совет нашел причину законной и просил отпуск разрешить. 8 сентября того же года И.И. Бецкой изъявил согласие на временное увольнение опекуна. 6 октября, получив от Совета текст свидетельства, которое предполагалось выдать П.Ф. Нащокину, он внес в него изменения, соответствовавшие «месту и добровольному усердию трудящихся в должности опекунов». Нащокин покинул пределы России, и в «Адрес-календарях» 1776–1778 гг. значился опекуном, уволенным на время⁸⁸.

В Совете осталось лишь два избранных опекуна. Главный попечитель ухватился за поступившее к нему в августе 1775 г. прошение И.Н. Бантыш-Каменского и, будучи «небезызвестен о его хороших свойствах», предложил принять его в опекуны до баллотирования в апреле будущего 1776 г. Коллежский асессор Бантыш-Каменский служил в московской конторе Придворной конюшенной канцелярии и был представителем известного рода, вышедшего из Молдавии. Д.М. Кантемир и московский архиепископ Амвросий приходились ему двоюродными дядьями по матери. Его брат Н.Н. Бантыш-Каменский, управляющий московским архивом Коллегии иностранных дел, занимался научной работой под руководством академика Г.-Ф. Миллера⁸⁹. Будущий опекун, скорее всего, имел сведения о Воспитательном доме из первых уст. В заявлении он написал, что, хотя и служит в конторе, но, «обращаясь с малолетства между науками и человечеством, больше способности и желания» он имеет «быть Воспитательного дома в Опекунском совете». По представлению Совета И.Н. Бантыш-Каменский был отпущен из своей конторы. Решение об изменении состава Совета было со-

гласовано с Петербургским отделением Дома, и, наконец, 10 ноября 1775 г. он был определен в опекуны с жалованьем в 1000 руб. в год⁹⁰.

«Месяцеслов» за 1776 г. впервые включил в число членов Опекунского совета П.А. Демидова, названного «благодетельствующим и усердным рачителем»⁹¹. Его имя с прежним эпитетом сохранялось в «Месяцесловах» до 1784 г. включительно. П.А. Демидов, одно из «своеобразнейших лиц чудного XVIII столетия»⁹², знаменитый богач, оригинал и эксцентричный чудак, доходивший до самодурства⁹³, начал свое сотрудничество с Воспитательным домом, в первый момент вынужденное, еще в 1760-е гг., когда вынужден был заплатить штраф в его пользу. В конце 1760-х гг. он начал делать пожертвования.

12 августа 1771 г., вернувшись из-за границы, П.А. Демидов обратился к И.И. Бецкому с письмом, позднее включенным в издание узаконений Воспитательного дома. Он известил, что в «чужих краях» понял, насколько отстали подобные российские учреждения от европейских. П.А. Демидов пообещал закончить своим иждивением строительство каменных зданий Воспитательного дома в Москве, на что вскоре выделил 100 тыс. руб., внести деньги на открытие родильного госпиталя в Петербурге (20 тыс. руб. на эти цели были переданы при письме от 2 сентября того же года) и в целом оказывать благотворение по «Генеральному плану»⁹⁴.

Бецкой откликнулся незамедлительно. Уже 2 сентября 1771 г. в письме к опекунам он просил Совет в силу «Генерального плана» и по желанию самого Демидова принять «благодетеля», который по окончании эпидемии собирался вернуться в Москву, где обычно и проживал, в «свое сообщество». Благотворителя полагалось почитать и во всех случаях оказывать ему защиту, а также повесить в зале заседаний его портрет⁹⁵. Императрица удостоила крупнейшего жертвователя чином статского советника. После увольнения И.И. Мелиссино Бецкой рассчитывал на помощь Демидова в подборе «искуснейших мастеров» для обучения воспитанников ремеслам. Прибыв в Москву, в 1772 г. тот решил выделить 205 тыс. руб. на создаваемое по его инициативе Коммерческое училище и подарил Воспитательному дому собственный каменный дом в древней столице⁹⁶. Весной 1773 г. «усердный рачитель» стал энергично заниматься строительством. Еще раньше начались его бесконечные конфликты с опекунами.

Пожалуй, можно согласиться с П.И. Бартевым, что П.А. Демидов «при видимой грубости одарен был теплым сердцем и тонким наблюдательным умом». «Его чудачества, — продолжает историк, — доходили до юродства и, вероятно, было неудобно в близких с ним сношениях, но он был человек истинно почтенный и достоин сочувственного воспоминания в потомстве»⁹⁷. По утверждению того же Бартева, «благодетель» имел привычку «идти прямо, ценить только труд и достоинство существенные, презирать всякую мишуру». Добавим, однако, что к этой мишуре он, судя по всему, относил и правила общения, и человеческое достоинство окружающих.

В письме к И.И. Бецкому от 17 января 1773 г., в ответ на кроткие просьбы последнего не разжигать страстей в Совете, П.А. Демидов отвечал, что главный попечитель при отправлении в Москву сам велел ему «поправлять и помогать, а другие ни за какие деньги на мое место не идут». «Мой любезный дед, — развивал свою мысль Демидов, — грамоте не умел, на дело был памятливы». Именно дед, по мнению внука, приучил его не лгать ни в каких случаях, от чего он и «привык

дурачитца». «Что слышу, то и пишу», — закончил свою мысль «доброжелатель», как обычно именовал себя Демидов в письмах к Бецкому 1770-х гг.⁹⁸

В РГИА сохранилась переписка И.И. Бецкого с П.А. Демидовым и некоторыми опекунами за 1773 г. В начале года П.А. Демидов вел с главным попечителем длительную дискуссию об основных принципах работы будущего Коммерческого училища. В то же время он проявлял постоянное недовольство всеми служителями Дома, выявлял их действительные или предполагаемые злоупотребления. Рассказывая А.И. Рибас, воспитаннице И.И. Бецкого и, возможно, его побочной дочери, о торжествах по случаю экзаменов и годовщины Дома, он сообщил об обеде, устроенном в честь двух архиереев. Опекуны доставили на трапезу свои продукты и деликатесы, а «б...н сын, экономишка» выставил позднее счет в 70 руб., в котором значилось, что архиереи три штофа «вейновой водки выпили». В том же письме он выражает намерение прогнать всех пьяниц и мошенников и добавляет, что он «грызет» зло, как собака, и, в частности, борется против обмана каменщиков при найме⁹⁹.

В августе 1773 г. П.А. Демидов передал И.И. Бецкому ряд слухов, возможно, «бабьих сплетен», о том, что нянькам и кормилицам выдается неполное жалованье, и оттого не хватает желающих занять эти места, что «питомцам пища нехороша», что многие питомцы, отдаваемые в деревни, «остаются за помещиками, а репортуются мертвыми». Ему не понравилась и «французенка-девка», обучавшая питомцев французскому языку, и то, что, по его мнению, надзирательницы «к детям не прилежны», и то, что, по сообщению однажды заночевавшей в Доме его дворовой девушки, дети в тот вечер гуляли дотемна без надзирательницы¹⁰⁰. Бецкого особенно взволновали слухи о том, что некоторые питомцы в результате махинаций становятся крепостными крестьянами, и С.И. Насонову пришлось оправдываться и разъяснять, какие меры принимаются администрацией Дома с опорой на приходских священников для недопущения подобных злоупотреблений¹⁰¹.

В октябре 1773 г. П.А. Демидов высказал И.И. Бецкому свои подозрения о том, что служители Дома подменяют ткани, из которых изготовлялась одежда питомцев, и шьют их платья из материй более дешевых и грубых. К письму прилагались образцы тканей¹⁰².

Естественно, что отношения П.А. Демидова с опекунами и другими служащими Дома все более обострялись. Главный надзиратель С.Н. Насонов в октябре-ноябре 1773 г. писал, что он «без исключения всех нас сперва везде словесно бранил, которое терпеливо и сносили, потом теперь появилось уже в Опекунском совете от него письменное поношение с ругательствами». И.И. Бецкой извещал, что «неосновательным сведениям» не верит, и умолял «терпеливо сносить» претензии и брань «усердного рачителя». Главный попечитель постарался направить неукротимую хозяйственную энергию П.А. Демидова в созидательное русло. Осенью 1773 г. пригородный скотный двор Воспитательного дома пострадал от эпизоотии, большая часть коров погибла. И.И. Бецкой поручил реорганизацию фермы П.А. Демидову, который подготовил «Инструкцию коровнику Воспитательного дома», использовав опыт своей «казанской деревнишки»¹⁰³. Наконец, 10 января 1774 г. главный попечитель приказал: «В рассуждении употребляемого старания и полагаемого собственного иждивения на построение Воспитательного Дома от благодетельствующего П.А. Демидова, по многим к тому обстоятельствам за надобное почитаю экспедицию строения <...> предста-

вить в полное его распоряжение»¹⁰⁴. 20 января 1774 г. опекуны рапортовали о передаче Демидову всех строений, которыми управляла экспедиция.

Тем не менее, скандалы продолжались. Возникали серьезные проблемы с разделом процентов с тех капиталов, которые были внесены в Сохранную казну, а также с получением обещанных П.А. Демидовым денег, которые он нередко передавал в долг третьим лицам. Воспитательному дому приходилось выступать ходатаем по финансовым претензиям своего благотворителя. К тому же Демидов находился в состоянии перманентного конфликта с представителями московских властей. Так, в начале 1774 г. по его приказу слуги грубо вытолкали из его дома находившегося при исполнении служебных обязанностей сержанта Юстиц-коллегии. Опекунский совет и Бецкой выступали защитниками Демидова и в этом неприятном деле. Жалобы «благотетеля» на Совет продолжали поступать и в 1774–1775 гг.¹⁰⁵, но отошли на второй план жизни Дома.

В 1776 г. И.И. Бецкой явно надеялся, что состав Опекунского совета удастся пополнить в ходе апрельских выборов. Действительно, в списке новых кандидатов значились 12 фамилий (включая И.Н. Бантыш-Каменского, который хотя и начал службу, но не проходил процедуру баллотирования). Среди них были два князя — А.В. Шаховской и А.Д. Друцкой, а также представители старых дворянских фамилий. Преобладали служащие и отставные офицеры. Один из претендентов имел чин бригадира, два — полковника, один — лейб-гвардии секунд-ротмистра, один — майора, два — премьер-майора, два — секунд-майора, один — обер-провиантмейстера. Статские служащие были представлены двумя коллежскими асессорами. Чин одного из кандидатов не указан¹⁰⁶. Однако в результате выборов свыше 2/3 голосов получили только все действующие служащие, опекуны и заопекуны, включая И.Н. Бантыш-Каменского, а из кандидатов заветный рубеж удалось преодолеть только гвардейскому офицеру секунд-ротмистру Ф.Г. Вишневному. В этой ситуации главный попечитель пошел на беспрецедентный шаг. В число заопекунов он включил не кандидатов, собравших, по его словам, около 2/3 голосов, а служащих Воспитательного дома, переизбранных во время голосования на следующий годичный срок, — директора Ссудной, Сохранной и Вдовьей казны барона К.И. Фрейденберга и главного надзирателя Дома майора А.И. Эссига. По «Плану» главный надзиратель имел право участвовать в отдельных заседаниях Совета, но не считался его членом. Бецкой предложил Совету приглашать его на заседания, когда «потребуется надобность обсуждения большим числом опекунов или во время свободности от упражняющих по должности дел его», и дать ему звание заопекуна. Совет утвердил это пополнение. К.И. Фрейденберг стал участвовать в заседаниях с 20 июня 1776 г., а 9 августа опекуны сообщали в столицу: новые заопекуны — «утвержденный по баллотированию» Ф.Г. Вишневецкий и «по вашему письму в рассуждении неполноты А.И. Эссиг» вступили в заседание и принесли присягу. Неизвестно, было ли это условие оговорено с ними заранее, но в октябре 1777 г., когда Опекунский совет обрел полный комплект, оба чиновника по воле Бецкого были уволены от заседаний¹⁰⁷.

К этому времени грань между заопекуном и опекуном оказалась размытой, и современники не всегда ее замечали. Так, в «Месяцеслове» за 1777 г. Ф.Г. Вишневецкий, К.И. Фрейденберг и А.И. Эссиг названы опекунами. Любопытная история приключилась с Ф.Г. Вишневецким. Включив этого заопекуна в состав

Совета, опекуны запросили главного попечителя о его жалованьи, не указанном в ранее присланных документах, и высказали предположение: оно должно равняться опекунскому и составлять 1000 руб., что лучше прочего подтверждает отсутствие разницы между двумя категориями членов Совета. Тогда же Совет направил прошение об его увольнении в канцелярию лейб-гвардии Конного полка. Однако Ф.Г. Вишнеvский не получил жалованья в Совете за 1777 г.¹⁰⁸ Как выяснилось, он не позаботился о своевременном увольнении из полка. В 1778 г. в ответ на представления о жалованье самого Ф.Г. Вишнеvского, именуемого уже опекуном и полковником, а также Совета о том, что он разделяет с коллегами все их труды, И.И. Бецкой не без раздражения отвечал: «В рассуждении действительно его пребывания не у нас, а при Конногвардейском полку, то почитая его, г. Вишнеvского, до точной нынешней отставки от полку не действительно быть нашим, а только яко занимавшего оное звание, почему и выдача против других опекунов положенного жалованья признано быть должною с означенной нынешней его отставки, чтоб о протчих по таковым случаям наблюдаемо было почтенному Совету препоручением»¹⁰⁹. Таким образом, заопекун со второй половины 1770-х гг. — это, во-первых, начинающий опекун, как бы проходящий не вполне определенный испытательный срок, и, во-вторых, человек, отправляющий опекунские обязанности без оставления основного места службы, в свободное от нее время.

В 1776–1777 гг. члены Совета С.Н. Насонов, К.И. Фрейденберг и А.И. Эссиг, не имея связей в высшем московском обществе, по необходимости занимались преимущественно внутренними проблемами Дома, включая организацию профессионального обучения питомцев, и особенно проблемами расширявшейся кредитно-финансовой деятельности. Опекуны из старинных дворянских родов — А.А. Павлов, И.Н. Бантыш-Каменский и Ф.Г. Вишнеvский, кроме того, должны были осуществлять и связь Дома с внешним чиновным миром. В письмах И.И. Бецкому не всегда указывалось, кого из опекунов в 1777 г. отправляли к почетным благотворителям и попечителям, чтобы известить их о дате перенесенного баллотирования и убедить явиться на него, или, например, выяснить цены на железо в Берг-коллегии, но, несомненно, это был один из опекунов знатного происхождения. Бантыш-Каменский оставался самым активным из них и, вероятно, пользовался расположением Бецкого. В 1776–1778 гг. он вел и личную переписку с главным попечителем. Она содержит и сведения о повседневной жизни Дома, и интересные наблюдения об отношении москвичей к новому учреждению, а также предложения по привлечению в Сохранную казну завещаний¹¹⁰.

Итоги выборов 1777 г. оказались для Совета более успешными, чем в 1776 г. Из пяти претендентов в Совет не прошли только три человека — один отставной статский советник и два надворных советника, зато два кандидата — советник Берг-коллегии П.Г. Демидов и премьер-майор в отставке граф Б.И. Толстой получили поддержку выборщиков¹¹¹. Подтвердили свои полномочия и все прежние члены Совета, а также служащие Дома.

Итак, 9 октября 1777 г. в заседаниях Совета начал участвовать П.Г. Демидов, племянник П.А. Демидова, известный своей образованностью и бывший членом Вольного российского собрания. П.Г. Демидов прославился своими благотворительными деяниями, совершенными в последние годы жизни, в начале XIX в., когда он на свой счет основал Демидовский лицей в Ярославле и определил зна-

чительные пожертвования на организацию университетов в Киеве и в Сибири. Однако начало его благотворительных дел относится к 1777–1779 гг., когда, став членом Совета, он передал свое опекунское жалованье в подаяние Воспитательному дому. По словам И.И. Бецкого, это его благодеяние был «тем более достойно возблагодарения, что по возлагаемой соответственно своему званию должности с прочими сочленами равно душно трудясь, и желает быть незаплатимым»¹¹². Вторым новым опекуном стал отставной премьер-майор граф Б.И. Толстой, по второй жене — родственник князей Гагариных¹¹³.

В 1778 г. в составе Совета вновь произошли значительные изменения. 8 февраля 1778 г. П.Ф. Нащокин, наконец, приступил к заседаниям «по возвращении своем из чужих краев»¹¹⁴. 29 мая, вскоре после очередных выборов, что вызывало вполне понятное раздражение И.И. Бецкого, опекуны направили ему просьбу С.Н. Насонова об увольнении «по встретившимся ему домашним обстоятельствам», угрожавшим «расстройкой и разорением», и попросили хлопотать о награждении его чином. В те же дни главный попечитель получил и письмо А.П. Павлова. Полковник попросил отпустить его на некоторое время, так как «по Плану сложение должности навсегда честь не допускает», и также ходатайствовал о награждении выслуженным чином. 8 июня И.И. Бецкой выразил сожаление в связи с намерением С.Н. Насонова и назвал его достойным благодарности. Растроганный благородством А.П. Павлова, «из скромности» написавшего заявление о временном отпуске, он распорядился уволить опекуна «навсегда» и сделал представление императрице о присвоении ему очередного чина. 2 июля Совет получил «благодарственные листы» для обоих и попечительский лист для С.Н. Насонова, но их карьерные притязания не были удовлетворены. В партикулярном письме от 30 июля Совет сообщал, что С.Н. Насонов попросил выдать ему свидетельство на чин контролера, так как в реальности он эту должность не исполнял. Последнее обнаруженное прошение о присвоении ему бригадирского чина А.П. Павлов направил И.И. Бецкому почти через полтора года после увольнения¹¹⁵.

На выборах 1778 г. к двум новым кандидатам — отставным подполковнику и секунд-майору — в последние дни перед голосованием по просьбе И.И. Бецкого присоединился лейб-гвардии капитан-поручик Д.Л. Боборькин. Он был, кажется, единственным опекуном, окончившим Московский университет. Как лучшему выпускнику университета, Елизавета Петровна в 1757 г. пожаловала ему чин сержанта Конной гвардии. В феврале 1778 г. он обратился с письмом к главному надзирателю Дома М.М. Коваленскому. Он сообщил, что после посещения Дома, произведшего на него неизгладимое впечатление, «восчувствовал <...> сердечное удовольствие согражданина, участвующего в ощутительном добре своего отечества» и решил подарить Дому 16 душ своих крестьян «с землею и угодьями, состоящих в Белозерском уезде». К письму были приложены крепости на крестьян. Д.Л. Боборькин просил также не сообщать о пожертвовании в «Московских ведомостях», как это делалось обычно. Совет переправил бумаги в Петербург, предложив поднести благотворителю свидетельство и серебряную медаль. И.И. Бецкой поддержал это предложение в письме, выдержанном в самых изысканных выражениях. 27 марта 1778 г. он получил заявление Д.Л. Боборькина, выразившего желание стать заопекуном Петербургского отделения. В результате выборов он стал единственным новичком, получившим более 2/3 голосов, и согласился заседать в Московском совете. Любопытно, что

в мае 1778 г. почетным благотворителем Дома по предложению И.И. Бецкого согласился стать Г.А. Потемкин, считавшийся другом Д.Л. Боборыкина. На заседаниях Совета он появился в сентябре 1778 г.¹¹⁶ Включение в число опекунов друга Г.А. Потемкина, очевидно, должно было упрочить пошатнувшиеся связи Воспитательного дома с императрицей и ее ближайшим окружением.

На протяжении 1770-х гг., после издания «Учреждений», принципы работы Опекунского совета не претерпели изменения. Основной задачей, которую, по мнению Бецкого, должен был поставить перед собой «весь корпус» руководителей Дома, являлось «избавление себя от неспособных или порочных товарищей и помощников»¹¹⁷. К концу 1770-х гг. стало очевидным, что в целом надежды на кардинальные изменения в составе опекунов и заопекунов, благодаря их избранию и ежегодному переизбранию, не оправдались. До 1780 г., когда выборы были отменены, участники голосования не избавились ни от одного из своих коллег. Все они неизменно получали необходимые две трети голосов. Вместе с тем, мало кому из новых кандидатов удавалось заручиться поддержкой квалифицированного большинства. Опекунов не хватало, приходилось определять их на вакансии без голосования. Очередное «баллотирование» тогда превращалось лишь в процедуру утверждения в должности действующего работника, ставшего своим, и его неизменно одобряли.

Кроме задачи отвергать «порочных» и одобрять достойных начальников, «баллотирование», по замыслу авторов «Дополнений», должно было обеспечить преемственность власти. В апреле 1778 г. по инициативе И.И. Бецкого состоялись выборы преемника главного попечителя. Им стал генерал-фельдмаршал князь А.М. Голицын¹¹⁸.

Система руководства Воспитательным домом, несмотря на свой «многослойный» характер, часто давала сбои. В течение многих лет И.И. Бецкому так и не удалось добиться четкого разграничения функций между Опекунским советом и главным надзирателем, не входившим в число опекунов. Не раз ему приходилось напоминать опекунам, что главному надзирателю полагалось быть полным хозяином в Доме и управлять им «яко отцу». При таком понимании границ его власти полномочия Опекунского совета выглядели расплывчатыми и неопределенными, что способствовало постоянным конфликтам. Другие недостатки опекунов как руководителей Дома Бецкой назвал и проанализировал в обличительных пассажах нового «Законоположения» 1780 г.

«Непорочным и способным начальникам», по мысли главного попечителя, следовало обеспечить финансовое благополучие Дома. Эта задача также оказалась непосильной для его руководителей, но трудно сказать, насколько они были в этом виноваты. Финансовые учреждения, о создании которых было объявлено в конце 1772 г., открылись в Москве только в 1774–1775 гг. Выдача ссуд оказалась делом очень рискованным и могла причинить воспитательному учреждению немалую «худобу»¹¹⁹. К тому же благотворительный порыв 1760-х гг. начал иссякать.

Между тем, расходы Воспитательного дома с открытием Петербургского отделения и увеличением числа питомцев продолжали расти. Добавилась необходимость организовать школьное обучение и профессиональную подготовку воспитанников, которых автор «Плана» хотел видеть в будущем людьми «третьего чина». Детей предполагалось обучать «мастерствам», «художествам», а самых

способных — и наукам. Таких больших, многопрофильных ремесленных и художественных школ в России тогда еще не было.

Естественно, первый блин получился комом. Напомню, что еще в 1772 г. с убытком для бюджета Дома был разорван контракт с двумя иностранными ремесленниками, нанятыми при посредничестве И.И. Мелиссино. В 1777 г. вышли сроки договора, заключенного с балетмейстером итальянцем Ф. Беккари, но его 62 ученика не достигли обещанных успехов, и Опекунский совет заплатил недобросовестному педагогу только часть договорной суммы¹²⁰. Подобных примеров можно привести немало.

Трудности с подбором педагогического персонала были неразрешимы в рамках своего времени и просветительской философии екатерининского царствования. И.И. Бецкой, как и многие его современники, недооценивал профессионализм в воспитании и образовании. Он считал работу с детьми делом простым и естественным, для чего достаточно было людей «способных» и «добродетельных». Впрочем, не существовало и реальной возможности обеспечить Воспитательный дом профессиональными педагогами. Первые ростки педагогического образования появились в России только к концу XVIII в. Скепсис по отношению к профессионалам усиливали и иностранные педагоги, далеко не всегда оправдывавшие возлагаемые на них надежды.

Чрезвычайную сложность представляло и определение верной линии воспитания «третьего чина людей» — ни рабов, ни господ — в крепостнической России. Вероятно, реакция монархини, в 1775 г. высказавшей недовольство отсутствием у питомцев навыков светского общения, дошла до опекунов, и они увеличили крен в сторону светского воспитания. В 1779 г., когда в мещанское отделение Смольного института из Москвы прислали «15 больших девиц», выяснилось, что они не имеют «приличествующей их состоянию склонности к трудолюбию и даже черного хлеба есть не хотят», а в будущем видят себя «мадамами»¹²¹. Разгневанный И.И. Бецкой повелел, чтобы дети занимались всеми хозяйственными работами по Дому.

Возрастающее беспокойство главного попечителя за судьбу своего самого крупного детища можно понять. Огромные затраты при ненадежных источниках финансирования не позволяли подвести под Воспитательный дом прочный экономический фундамент. Недостатки воспитания и профессиональной подготовки приобретали особое значение в связи с приближением первого выпуска питомцев.

Во второй половине 1770-х гг. недовольство И.И. Бецкого тем, что реальная жизнь далека от идеалов, стремительно нарастает. В марте 1777 г. в Москве происходит заседание Опекунского совета с участием его специального посланника и ревизора — петербургского заопекуна М.А. Ильина. Вслед за этим в столицу отправляется «Генеральный баланс» за истекший год, и опекунам приходится оправдываться в излишних расходах, по требованию Бецкого заниматься «разобранием воспитанников по возрастам для распределения к обучению наукам», подыскивать «с надлежащей осторожностью» «потребных мастеров». Затем в Петербург посылают список сотрудников, в котором «показывается ныне производимое жалованье и какое по мнению Совета производимо быть должно». Опекуны планировали экономить за счет уменьшения жалованья некоторым из «вновь вступающих» служащих¹²².

В 1778 г. у главного попечителя начинает складываться замысел очередного преобразования, касающегося Воспитательных домов. Первая новая его идея состояла в уравнивании Московского дома и его Санкт-Петербургского отделения по способу управления. Прежняя система, по которой в Петербурге не было Опекунского совета, а по мере надобности повестками созывалось заседание в составе директора отделения, двух заопекунов, работавших без жалованья, и, в случае необходимости, приглашенного главного попечителя, стала тормозить его дальнейшее развитие. Во-первых, второстепенное положение петербургского заведения противоречило традиционной иерархической системе, по которой центральные учреждения обычно располагались в официальной столице, и потому оно не могло долго сохраняться. Во-вторых, превратить Москву во всероссийский центр сбора пожертвований на «несчастнорожденных младенцев» не удалось. В 1770-е гг., когда главный упор в поисках источников средств был сделан на финансовые учреждения Дома, встал вопрос об открытии Вдовьей, Ссудной и Сохранной казны в Петербурге.

20 марта 1778 г. в пользу Воспитательного дома было передано здание в центре города, на Миллионной улице. После ремонта осенью того же года здесь и начала работать казна. В 1779 г. был куплен смежный дом для размещения в нем детей¹²³. Более просторные помещения давали возможность превратить петербургский филиал в полноценный Воспитательный дом, что и стало делом недалекого будущего.

Начало этому процессу положили предписания, направленные в Опекунский совет и Петербургское отделение 19 октября 1778 г. И.И. Бецкой пояснял, что «Генеральный план» посвящался учреждению Воспитательного дома в Москве и при его составлении было «единственно токмо помышляемо о сем одном месте», потому и полагалось иметь опекунов только в Москве. Теперь же, после открытия казны, и в Петербурге «видимо требуему быть <...> исправлению дел <...> равно чрез вступающих членов таковых, которые не отягощая себя никакими б исправлениями прочих мест, препоручаемые дела безотлучным тщанием могли исполняемы быть»¹²⁴. В целях экономии положено было в Москве иметь Опекунский совет в составе четырех человек, а в Петербурге — «быть с директором казен трем опекунам». В Московском совете, кроме этого, участвовали два опекуна, добровольно отказавшиеся от жалованья, — П.Г. Демидов и П.Ф. Нащокин, в экстраординарных случаях разрешалось допускать главного надзирателя и директора при казнах. Петербургских опекунов предполагалось выбрать из числа заопекунов, остальных заопекунов И.И. Бецкой приглашал на регулярные заседания. На них также мог присутствовать «здесь <...> всегда пребывание имеющий главный попечитель», обладавший двумя голосами. Кроме того, опекуны в Москве и в Петербурге получили право в ходе переписки принять согласованное решение.

Отношения Бецкого с Московским советом продолжали оставаться напряженными. В декабре 1778 г. ему пришлось стать судьей в споре между директором при казнах бароном К.И. Фрейденбергом и наблюдавшим за ходом дел в казнах опекуном И.Н. Бантыш-Каменским, на сторону которого встал Опекунский совет. Взаимные жалобы предоставили главному попечителю дополнительные сведения о финансовых и организационных упущениях сотрудников Дома.

В Москву помчалось очередное гневное письмо. Список служащих на начало 1779 г. свидетельствовал, что попытки экономить на жалованьи провалились¹²⁵.

В 1779 г., несмотря на осуществление предложения Бецкого об уравнивании прав опекунов в Москве и Петербурге, состав Московского совета не претерпел изменений, превышавших обычную ежегодную «норму». В марте от опекунства по болезни отказался П.Ф. Нащокин. По его желанию ему было присвоено звание попечителя¹²⁶. В ходе апрельского баллотирования ни один из пяти кандидатов (два отставника — бригадир и претендент с неназванным чином, а также статский советник, подполковник и капитан артиллерии) не набрал нужного числа голосов, а полномочия всех действовавших членов Совета были подтверждены. Между тем, 3 мая И.И. Бецкой сообщил в Москву, что получил «отзыв от желающего вступить в опекуны» лейб-гвардии капитана П.И. Голохвастова. Он попросил включить нового претендента «в баллотирование», а если голосование уже проведено, «разведать» о кандидате у почетных благотворителей. По этим распоряжениям опекуны легко могли догадаться, что Голохвастов пользуется распоряжением главного попечителя. 13 мая 1779 г. член Совета был у единственного находившегося в Москве почетного благотворителя князя М.Н. Волконского и, естественно, услышал «особливое одобрение» достоинств П.И. Голохвастова, желавшего, как считали в Москве, стать опекуном при Петербургском отделении¹²⁷. Однако в июне 1779 г. И.И. Бецкой получил письмо от графа Б.И. Толстого. Граф писал: «Посвятя мои услуги Воспитательному дому не для жалованья, чинов или привилегий, а единственно по любви и усердию по оному богоугодному и отечеству полезному служению, обожая все части Генерального плана, основанные на чести и совести в пользу ближнего, желал бы я <...> остаток дней моих продолжить во услугах оного Дома, не почувствуя труда и усталости, но обстоятельства моего дома и деревенская экономия без собственного моего присмотра пришла в самый упадок, и без поправления оной мне как себя, так дом мой и большую мою фамилию содержать невозможно»¹²⁸. В связи с этим он просил об увольнении от опекунского звания и сообщал о желании остаться заопекун без жалованья. Просьба графа Б.И. Толстого была удовлетворена, за желание безвозмездного служения он получил благодарственное письмо. По воле И.И. Бецкого ему даже оставили прежнее жалованье¹²⁹. После отставки графа Б.И. Толстого освободилось место штатного опекуна, и главный попечитель без голосования назначил на вакантное место своего ставленника П.И. Голохвастова. 16 июля 1779 г. Совет отрапортовал в Петербург, что в состав Совета по письмам И.И. Бецкого были приняты П.И. Голохвастов и петербургский заопекун, также доверенное лицо главного попечителя, М.А. Ильин, а должность главного надзирателя занял назначенный им Г.Г. Гогель¹³⁰. Между прочим, с начала июня 1779 г., после увольнения прежнего главного надзирателя, его обязанности по просьбе И.И. Бецкого исполнял И.Н. Бантыш-Каменский «по усердию и доброжелательству к Дому». В письме главного попечителя говорилось, что это случается уже не в первый раз¹³¹.

Весной 1779 г. еще одно назначение в состав Московского совета было сделано помимо выборов. 11 апреля опекуны направили в столицу заявление протоиерея московского Архангельского собора П.А. Архангельского (Алексеева) о желании стать заопекун. 23 апреля И.И. Бецкой ответил, что с удовольствием

получил письмо протоиерея и надеется, что Совет проведет по его кандидатуре баллотирование. Ежегодное голосование прошло в Петербурге еще 26 апреля, но опекуны с готовностью ответили, что знают о достоинствах архиерея и готовы произвести его в заопекунское звание без общих выборов. В июне для утверждения протоиерея в звании заопекуна было проведено специальное голосование в обоих Советах. Священнослужитель, видимо, с охотой исполнял новые обязанности. Он пожертвовал 25 руб. в пользу одной из воспитанниц, причем просил не упоминать о подавании в «Московских ведомостях», сочинил для детей сначала нравоучительную речь, а затем катехизис, в качестве эксперта участвовал в расследовании дела о пропаже окладов с икон, хранившихся в Доме¹³².

Внешне спокойная, почти благодатная картина выборов, переездов, повседневных дел скрывала внутреннее напряжение. Весной 1779 г. раздражение И.И. Бецкого против московских опекунов, неспособных реализовать «Генеральный план», достигло апогея. Его выражением и плодом горьких раздумий главного попечителя стало обширное письмо, отправленное в Московский опекунский совет 10 мая 1779 г. Опекунам был предъявлен ряд требований. Их успешное выполнение, в возможность которого сам Бецкой, как представляется, не верил, стало последним шансом прежнего Совета. Неудача, почти запрограммированная, предопределила необходимость коренной перестройки всей системы управления.

В пространной преамбуле автор письма мысленно приглашает своих младших коллег на традиционное ежегодное собрание. Он призывает опекунов посмотреть на самих себя. Главный попечитель не сомневается в их искренности, но считает, что честности и беспристрастности недостаточно для управления доходами Дома, требуется, по его мнению, действовать «с разумом». Могут ли все сотрудники Дома, не исключая и его самого, «зря на свои дела, сказать: *исполнилось желание наше*; достигли средств к наблюдению пользы, не претерпим беспокойства духа?» — вопрошал И.И. Бецкой и давал отрицательный ответ на свой вопрос. Ни усердие самих опекунов, ни его собственное «рвение <...> повторяемыми напоминаниями» не принесло желаемого результата. Непомерное число людей при Доме, «жалкое содержание» родильного госпиталя, «многие непристойные входы и выходы» в строениях, отсутствие надлежащего швейцара, и, наконец, присланные в Петербург «в прошлом лете воспитанники <...>, которые изъявляемым своим воспитанием довольно могли подтвердить безошибочное о худом над ними присмотре мое мнение», служили убедительным доказательством их бессилия. Особенно беспокоил главного попечителя приближающийся первый выпуск воспитанников, которых, по его словам, «мы обязаны показать обществу с отчетом о бытии их и с приуготовлением ответа пекущихся и промышляющих о них». В связи с этим Бецкой потребовал произвести в Московском доме ряд «потребных и нужных поправлений»¹³³. «По отдаленности» своей «от самоличного в том разобрания» он поручил проанализировать обстановку и принять срочные меры петербургскому заопекуну М.А. Ильину, вновь избранному в члены Опекунского совета П.И. Голохвастову и опекуну И.Н. Бантыш-Каменскому вместе с прочими опекунами.

Вопросы и претензии главного попечителя были сформулированы в девяти пунктах. Его интересовали, в первую очередь, профессиональная подготовка и воспитание питомцев. Ревизорам следовало проверить, в том ли дети всех

возрастов «употребляются упражнения», какое «для их благосостояния <...> назначено, и имеют ли желаемые успехи». Полагалось также выяснить, нет ли недостатка в фабриках и «рукомерслах», в частности, учатся ли воспитанники бухгалтерии при казнах, и проводится ли обучение мастерству на основе «Плана», удостовериться, что качество профессионального образования позволит выпускникам обеспечить себе «пропитание без замешательства». Бецкой еще раз напомнил, что Воспитательному дому негоже «содержать на приличествующем воспитании благородных». Следовало точно соблюдать нормы «физических примечаний», а нравственное воспитание детей и «соединенные с благоповедением их поступки» должны были соответствовать знанию работ и уровню «общепользующего гражданства». Приказано было также принять меры к устройству судьбы будущих выпускников. Кроме того, главный попечитель, как обычно, обратился к проблемам сокращения расходов. Он потребовал «сделать навсегда положение», по которому издержки должны были составлять не более 2/3 доходов и предложил конкретные статьи экономии средств¹³⁴.

Ответа из Москвы долго не было. Бецкой нервничал. Наконец, в письме от 20 сентября 1779 г. он признался, что задержка с выполнением поручения по исправлению «расстроенного Дома» усугубляет его прискорбие, и потребовал немедленного возвращения М.А. Ильина в Петербург. 1 октября предписание об отъезде заопекуна было подтверждено¹³⁵.

11 октября Ильин с письмом Опекунского совета выехал в Петербург. Дополнения к нему были отправлены в столицу в начале 1780 г. Ответы опекунов имели весьма обтекаемую форму и представляли собой по преимуществу отчет о проделанной работе с элементами оправдания и некоторыми предложениями. По сути, Опекунский совет не смог предложить какие-либо серьезные изменения¹³⁶.

Главный попечитель воспринял такие ответы как саботаж. Последовали решительные действия. Система управления Воспитательными домами претерпела значительное изменение 15 сентября 1780 г., когда Бецкой подписал новое «Учреждение», или «Законоположение» (под такими названиями документ упоминается в официальной переписке того времени). Это первый законодательный акт, посвященный Воспитательным домам и не подписанный императрицей, что, очевидно, свидетельствовало о разочаровании Екатерины в Бецком и возможностях реализации его идей. Отсутствие подписи монархини не лишало «Учреждение» 15 сентября 1780 г. законодательного характера в связи с особыми полномочиями, предоставленными ею в свое время главному попечителю.

Впрочем, появление нового закона показывает, что и сам Бецкой отчаялся придать своему детищу те черты идеального благотворительного заведения, которые он видел в своих мечтах и запечатлел в статьях «Плана» и дополнений к нему. Автор предпослал «Законоположению» письмо в адрес Московского опекунского совета и Санкт-Петербургского заседания, в котором обрушил свой беспощадный гнев на головы предшественников нынешних опекунов. Письмо находится в архивном деле, сохранившем полный текст закона 15 сентября 1780 г., оно было опубликовано П.М. Майковым в приложениях к биографии И.И. Бецкого. Претензии к опекунам и другим руководителям Дома содержат и длинные нравоучительные рассуждения, включенные во многие разделы «Учреждения». Не случайно Опекунские советы, воспользовавшись предоставленной им возможностью самостоятельно решить вопрос о его публикации, исключили из

предназначенного к печати текста в первую очередь эти обличительные пассажи. В приложениях к «Санкт-Петербургским ведомостям» закон появился в значительно урезанном виде.

Главный попечитель заявлял о тщетности всех своих стремлений, направленных на организацию работы Дома в соответствии с «Планом». Черными красками обрисовал он положение Дома: «Мрачность, запутанность неразрешимая, представляя повсюду и к поправлению упущенного неодолимые препятствия, не показывают ни тени того, чтоб были разумны благоустроющие и сердца благотворительные»¹³⁷.

Ни один из опекунов, по его убеждению, не выполнял добровольно принятых на себя обязанностей «священного звания», все они действовали по принципам: «Не нашу тысячу рубят» и «По мне хоть трава не расти», отличались нерадением и леностью. В будущем Бецкой хотел видеть в опекуновском звании «таких людей, которые, ничем посторонним не отвращаясь и думая только об исполнении должности своей, не отправляли б оную так, чтобы сколь можно скорее отделаться от оной, отъехать в те места, куда влечет их привязанность ко свету, где ожидают их забавы, торжества, пиры и другие пристрастия, внушаемые роскошью»¹³⁸.

Результатом «упущения должностей» явилось, во-первых, невыполнение предписанных «Планом» правил физического и нравственного воспитания, так что дети крестьян, которые «единым естественным побуждением воспитываются», перед иными питомцами «преимуществуют в благонравии и трудолюбии». Во-вторых, главный попечитель отмечал отсутствие «внутреннего домашнего благоустройства», шаткое финансовое положение Дома, вызванное, по его мнению, наймом «без разбору» за «безразмерную плату» ремесленников и фабрикантов для обучения воспитанников. «Было ли когда в рассуждение принимаемо, что все те, которые вырабатывают свои произведения не из продуктов своей земли, суть себе вредны? Было ли то вычисляемо прежде, нежели предпринято завести какую фабрику, какой прибыток она Дому принести может? Приходило ли и то на мысль, что многие из ремесленников или фабрикантов, вступающие в Дом, не могли или в рассуждении своего тщетного ремесла, или хотя и полезного, по малому мастерству в оном, найти себе пропитание, находили прибежище у нас?», — восклицал Бецкой, продолжая: «От того-то, государи мои, Воспитательный дом, наполняясь тунеядцами и бродягами, втуне истощал все свои имущества, благотворением собираемые»¹³⁹. Правда, милости императрицы, ее наследника и всего общества позволяли не ощущать недостатков, но в случае потери и этого кредита Дом ожидала бесславная гибель. Чтобы не допустить ужасного конца, главный попечитель, видя все свои предписания подчиненным бесплодными и «не зная чему приписать толико выражающие душу его превратности», решил силой предоставленной ему власти утвердить новое «Законоположение».

Содержание закона не стало неожиданностью для руководителей Воспитательного дома в Москве и в Петербурге. 4 апреля 1780 года И.И. Бецкой направил свой проект в Совет и заседание, попросив «особо сообщить» ему «свой голос». Он заявил, что «всякие благоразумные возражения <...>, подкрепляемые истиною», он сочтет «знаками добродетельной искренности». Опекуны, заопекуны, преемник главного попечителя князь А.М. Голицын высказали свое мнение, представив развернутые письменные отзывы с критическими замечаниями. Почетные бла-

готворители А.И. Глебов, граф З.Г. Чернышев и смоленский епископ Парфений одобрили предложенные изменения полностью. Изучив полученные документы, Бецкой несколько скорректировал отдельные положения проекта¹⁴⁰.

По новому «Учреждению» Московский воспитательный дом и Санкт-Петербургское отделение уравнивались в правах. В Петербурге, как и в Москве, создавался Опекунский совет. Каждый Совет состоял из четырех опекунов, включая в это число и обер-директора. Обер-директора становились главными лицами в Воспитательных домах. «Должность их, — утверждалось в «Законоположении», — имеет обнимать все попечения, а именно: яко опекуны заседаю в Совете <...>; яко главные надзиратели стараются они о управлении в сем Доме <...>; и яко управители трех казен управляют оными»¹⁴¹. Обер-директор сам подбирал себе помощника и нес за него ответственность. Его высокое положение подчеркивалось повышенным жалованьем (1200 руб. в год по сравнению с 1000 руб. у других опекунов) и записанным в законе правом на государственную пенсию в старости и по болезни.

Вторым человеком в каждом из Воспитательных домов становился экспедитор в чине контролера или просто контролер. В его обязанности входило ведение письмоводства Опекунского совета, представление дел на его собраниях. Контролеры занимали особое место в новой системе главного попечителя. Именно контролер, по его мнению, мог получить «самоподробнейшее сведение о всем, что до Воспитательного дома по истинным его предметам касается», и, доказав «потребные способности как разума, так и сердца», получил право поступать на «убылые места» опекуна или обер-директора. Более того, иных возможностей стать опекуном новое положение просто не предусматривало. В должность контролера выбирали «общим баллотированием» обоих Советов. Необходимость для всех будущих опекунов пройти через исполнение обязанностей контролера была критически встречена участниками обсуждения законопроекта, но Бецкой остался верным этой новой и, видимо, выстраданной идее.

Опекунские советы становились постоянно действующими руководящими органами обоих Домов. Они должны были заседать ежедневно, кроме выходных, с 8 утра до 1 часу дня, а также, исключая субботу, еще и после обеда с 3 до 5 часов.

Опекунские советы, имеющие «равную власть и силу», для «большой твердости Воспитательного дома, состоящего из сих обоих мест», должны были «навеки соединить себя перепискою каждою почту». Одному Совету следовало извещать другой обо всех вопросах, вызвавших споры, и делах, касавшихся обоих Домов. В каждом из Советов сохранялось и «частное баллотирование». К нему следовало прибегать в случае «неединомыслия» в делах «невеликой важности». К такому голосованию для перевеса голосов приглашались контролеры.

Главный попечитель, выстроив новую систему управления и сохранив за собой общий контроль за соблюдением «Генерального плана» со всеми дополнениями к нему, дал, по его собственным словам, обоим Советам «на время свободу действовать и все устроить» и вручил им власть над Воспитательными домами¹⁴².

Новый закон сохранил и институт Генеральных собраний, несколько изменив и расширив круг стоящих перед ними задач. Они созывались ежегодно по инициативе главного попечителя в том городе, где находился он сам и большее число почетных благотворителей. Из другого города в собрание сообщались результаты проведенного там голосования. Собрание обсуждало общее положение Домов,

разбирало касающиеся их «предосудительные» случаи, в том числе должностные преступления служащих, проводило генеральное «баллотирование» по важным спорным вопросам, избирало обер-директоров и почетных благотворителей.

В утвержденное Бецким «Законоположение» вошли также рассуждения о принципах взаимоотношений Воспитательных домов с другими государственными учреждениями и о внедрении в жизнь воспитательных учреждений режима экономии. Согласно этим разделам, Воспитательным домам, несмотря на их высокий статус, равный коллегиям, следовало избегать «бесполезных и медлительных <...> переписок» с судебными и другими «приказными местами». Дела полагалось решать неформальным путем, в ходе «дружелюбных» разговоров «с важнейшим того места членом»¹⁴³.

Целью режима экономии являлось составление собственного капитала на первый год в размере 50 тыс. руб. Дополнительную прибыль планировалось получать «трудолюбием обоего пола питомцев». В проекте главный попечитель заявил, что дети шести лет своей работой смогут окупить свое содержание. Это утверждение все читатели проекта сочли далеким от реальности. Они отметили, что столь раннее привлечение к производительному труду отрицательно скажется на здоровье и развитии малышей. В окончательном варианте «Учреждения» планка была значительно снижена. Его автор высказывал предположение, что шестилетки, играя и занимаясь «неотяготительною по их нежным летам работою» смогут заработать до половины средств, затрачиваемых на их содержание. Труд детей старше шести лет должен был приносить доход. Кроме того, силу закона получило требование об «отрешении бесплодных людей» от работы в каждом Доме, т. е. о сокращении штатов¹⁴⁴.

Вместе с уравнием прав Опекунских советов в Москве и Петербурге одинаковое устройство получили и оба Воспитательных дома. Пересылку детей старше трех лет в Москву с этого времени отменили. Однако главный попечитель по-прежнему утверждал, что «здесьний Дом или Московский ничто иное как один и тот же, и здешнее заведение не иное, как Московское ж», поэтому «ни тамошнему, ни здешнему себя друг от друга чем бы то ни было отделять не надлежит». Опекунские советы должны были считать «себя единым Правлением одного Воспитательного дома, «почитать обе половины вверенного им Дома единым телом, одушевляемым одними и теми же указаниями и предметами пользы»¹⁴⁵. Традиционным проявлением этого единства, очевидно, необходимого для успешного претворения в жизнь нового сложного дела, оставалась бюрократическая переписка, позволявшая Советам перепроверять свои действия, а также перемещения чиновников. Через несколько лет Дома стали отличаться друг от друга только возрастом и численностью питомцев, к концу екатерининского царствования сгладилось и это различие.

Новое «Законоположение» показывает глубокое разочарование его автора в тех людях, с которыми ему пришлось вместе работать. В то же время Бецкому, как и другим его современникам, включая крупнейших государственных деятелей России рационального XVIII в. Петра I и Екатерину II, было свойственно упование на закон и преувеличение его роли в реформировании государственной жизни. Вероятно, к 1780 г. у главного попечителя возникли некоторые сомнения — не в правильности избранного пути, а в способах достижения цели, в правильности конкретных действий, направленных на ее реализацию. Теперь своим заявлением

(«даю на время свободу») он, в сущности, предоставлял руководителям Дома очередной, возможно, последний шанс проявить себя и довершить формирование «правильного» воспитательного учреждения. «Законоположение» 1780 г. значительно сместило акценты в организации управления Воспитательными домами. «Генеральный план» и дополнения к нему предусматривали коллективный характер руководства Домом и защиты его интересов. В то же время под контролем Опекунского совета осуществлялось единоличное управление воспитательным учреждением. Завершало пирамиду единоличное попечение Бецкого, доверенного лица государыни.

Согласно новому «Учреждению», единоличное начало значительно усилилось, что соответствовало общим тенденциям развития государственных учреждений в конце XVIII в. Главную роль среди руководителей каждого из Домов стал играть обер-директор. Опекунский совет, как показала практика, превратился в совещательный орган при нем. Таким образом, главный попечитель поставил теперь на хороших обер-директоров, а наибольшее недоверие испытывал к институту опекунов. Выборность для них была, по сути, отменена. Ее заменило испытание практической работой.

Кроме того, в «Учреждении» 1780 г. Бецкой законодательно подтвердил основанное на 17-летнем опыте представление о том, что призрение сирот и подкидышей в России не может быть основано только на ненадежных благотворительных пожертвованиях, отсюда разумные, но малореальные предложения по созданию собственного капитала и доведенные до абсурда требования экономии.

В 1780 г., в преддверии коренных изменений, из Московского совета уволил Ф.Г. Вишнеvский. В заявлении Совету, переправленном в Петербург 28 апреля 1780 г., «изъяняя о своей болезни и слабости здоровья», он «объявил себя не в силах продолжать звание опекуна» и попросил о включении в число попечителей. Бецкой выразил Вишнеvскому признательность как за труды в опекунском звании, так и за те, которые он «в звании попечителя в пользу Воспитательного дома продолжать намерен», и подписал для него свидетельство и попечительский лист¹⁴⁶.

В 1780 г., в связи с внедрением нового «Положения», выборы состоялись позднее обычного. В Москве баллотирование провели в середине июня, а в Петербурге даже 31 июля. На должности опекунов обоих Советов предложили себя 12 человек. Чуть больше половины из них были офицерами: один бригадир (служивший в Петербургском совете А.И. Голохвастов), один капитан гвардии (работавший в Москве П.И. Голохвастов), один премьер-майор (перешедший в заопекуну граф Б.И. Толстой), один майор, два секунд-майора и два лейб-гвардии капитан-поручика, остальные — штатскими чиновниками: два коллежских советника, два надворных советника и один коллежский асессор. В списки, попавшие в архивные дела, не были включены многие действовавшие на тот момент московские опекуны. Разочаровавшись в их деятельности, Бецкой стремился заменить их новыми людьми. Их намерение баллотироваться главный попечитель явно не приветствовал. Не совсем понятно, вынуждены ли они были отказаться от участия в перевыборах или просто не были переизбраны благодаря активной агитации Бецкого. Возможно даже, что в Москве избрали одних опекунов, а в Петербурге остановили выбор на других. Скорее всего, весной 1780 г. было проведено обычное ежегодное голосование, в Москве по разным причинам отложенное

на июнь, а затем 31 июля в северной столице состоялось чрезвычайное баллотирование, накануне введения нового Законоположения. Об этом свидетельствует, к примеру, то, что «избранный в контролеры» Г.С. Боголюбов 14 июля 1780 г. прибыл из Петербурга в Москву и начал принимать дела, а в сентябре того же года он именуется «уже занимавшим место» чиновником, подтвержденным в должности по баллотированию¹⁴⁷. Так или иначе, членами Московского опекунского совета стали уже работавший там и пользовавшийся доверием главного попечителя П.И. Голохвастов и два новичка — И.М. Арсеньев, надворный советник, служивший в конторе Главного магистрата, и П.Л. Ермолов, также служивший в Петербурге и приехавший в Москву с рекомендательным письмом И.И. Бецкого. Кроме того, в Совет по новому положению вошли обер-директор Г.Г. Гогель и контролер Г.С. Боголюбов. В расставании с прежними опекунами были слышны отголоски недавней борьбы. 1 сентября 1780 г. вновь избранные члены Совета сообщили И.И. Бецкому, что Д.Л. Боборыкин и И.Н. Бантыш-Каменский просят увольнения. В освобождении от должности из-за слабого здоровья, по их мнению, особенно нуждался Боборыкин. В своем заявлении последний действительно указал на «болезненные припадки» как на главную причину отказа от должности. Бантыш-Каменский лишь лаконично объявил о сложении своих полномочий. Новые коллеги высказывали по этому поводу свое сожаление, свидетельствовали «об усердии и радении» обоих опекунов и просили дать им благодарственные письма. Бецкой, в свою очередь, также выразил сожаление по поводу их отставки. В связи с тем, что «доныне бывшие опекуны» сложили с себя опекунские звания, им велено было дать благодарственные свидетельства. Боборыкин сразу, а Бантыш-Каменский после дополнительных переговоров согласились стать попечителями и получили попечительские листы¹⁴⁸.

Заявление же П.Г. Демидова об его увольнении с 25 сентября 1780 г. поступило в Совет только 11 января 1781 г. 4 февраля Совет направил его текст для сведения в Опекунский совет в Петербурге. Бывший опекун, объясняя «свою ревностную и всегдашним к Воспитательному дому усердием сопровождаемую» службу с оставлением жалованья в пользу Дома, по «слабости его здоровья и частым болезням» не находил больше сил к ее продолжению и просил снабдить его письменным свидетельством и наградить по привилегиям Дома¹⁴⁹. Звание попечителя в 1780 г. получили также служивший последние годы заопекунном без жалованья граф Б.И. Толстой и заопекун протоиерей П.А. Архангельский¹⁵⁰.

Подробная, почти ежедневная переписка московских опекунов при новой организации управления прекратилась. Информация о новых опекунах доходила до Петербурга только в случае возникновения громких скандалов. Первый из них не заставил себя ждать. 19 июня 1781 г., проработав всего 8 месяцев, заявление об уходе подал П.Л. Ермолов, двоюродный дед А.П. Ермолова. Между тем, новые законоположения были направлены в первую очередь на длительное закрепление на местах руководителей Дома. П.Л. Ермолов понимал щекотливость ситуации. В проникновенном письме И.И. Бецкому он писал: «Желание мое было остаток жизни моей посвятить на услуги Воспитательному дому, но сие желание не исполнилось». Опекун просил увольнения, рассчитывая на «примерное великодушие, человеколюбие и милости» главного попечителя. Расчет удался не вполне.

Сначала свою позицию обозначили петербургские опекуны. 25 июня они сообщили в Москву, что занятие опекунской вакансии, освобожденной «отрешением» П.Л. Ермолова, следует отложить до генерального собрания, ибо «она еще не совсем очищена»¹⁵¹. 10 августа того же года дело П.Л. Ермолова слушалось в генеральном собрании. И.И. Бецкой и почетные благотворители (граф Э. Миних, И.Г. Чернышев, князя А.М. Голицын, А.А. Вяземский, Г.А. Потемкин) постановили: «за учиненное им поползновение, противное данному им клятвенному обещанию обязательству, дать ему, Ермолову, о увольнении его письменный вид с тем, что Опекунский совет, будучи поступками его недоволен, в коих и сам он, письменно извиняясь, признался, от дел оного Совета уволил». Об этом решении велено было «и в печатных листах публиковать»¹⁵². Столь грозный вердикт обеспокоил недавних коллег незадачливого опекуна. Петербургский совет предложил несколько скорректировать его. По его мнению, публикация известия о том, что опекун уволен за нарушение клятвы, не только причинит несчастье ему самому, но «и по смерти его потомкам стыд и поношение». Поступок его заслуживает наказания, но Дому «от того вреда не причинилось», поэтому столичные опекуны, «снисходя по человеколюбию, на котором Дом воспитательный основан», «единственно ради невинного потомства» предложили сообщить в «Известиях», что П.Л. Ермолов уволен «по неспособности». С их мнением согласились и участники генерального собрания¹⁵³. Место П.Л. Ермолова занял контролер Г.С. Боголюбов¹⁵⁴.

Очередной скандал разразился в конце 1782 г. 12 декабря 1782 г. Московский совет направил И.И. Бецкому донос на одного из своих членов — П.И. Голохвастова. Последнего обвинили в «нерачительном исполнении должности», которое становится в тягость его товарищам. «Часто одержимый подагрической болезнью по несколько месяцев», опекун, по словам доносителей, очень редко бывает в Совете и вовсе не появляется в нем в «ломбардные дни после полудня». Донос послужил причиной упреков в адрес членов Совета со стороны П.А. Демидова. 8 мая 1783 г. «многими язвительными словами» он заявил, что «члены Совета, не имея между собою согласия к удивлению его о исключении г. Голохвастова писали на него напрасно и обнесли нерадением его к должности <...> с намерением выжили, чтобы удобней поступить на вредное Дому». О тираде П.А. Демидова опекуны сообщили в Петербург как об очередном чуде беспокройного благодетеля. В июле 1783 г. П.И. Голохвастов был уволен генеральным собранием по прошению¹⁵⁵.

Освободившееся опекунское место занял действительный статский советник М.М. Лодыженский. Интересно, что он не прошел испытания контролерской должностью, как это полагалось по новым правилам, зато, очевидно, был хорошо известен главному попечителю по петербургской службе. Лодыженский появился в Московском совете еще весной 1783 г. В списках служащих он значился опекуном с 21 марта 1783 г., а утвержден был в должности на генеральном собрании в июле 1783 г. одновременно с увольнением П.И. Голохвастова. На контролерское место после Г.С. Боголюбова взяли Г.Ф. Бачманова, «контролера из землемеров», поручика. В этой должности он прослужил до 1795 г., в 1785 г. получив чин коллежского асессора¹⁵⁶. По чину в 1783 г. он никак не годился в опекуны.

В составе, сложившемся в 1783 г. (обер-директор Г.Г. Гогель, опекуны И.М. Арсеньев, Г.С. Боголюбов и М.М. Лодыженский), Московский совет просуществовал до 1795 г. Наиболее яркой фигурой в Совете, несомненно, был Г.Г. Гогель. Генрих (в России — Григорий Григорьевич) Гогель начал службу в польской армии, в 1775 г. в чине подполковника перешел на русскую службу, а в 1777 г. принял российское подданство. Он был назначен окружным комиссаром иностранных поселенцев в Саратове. В 1779 г. он был коллежским асессором, сотрудником конторы опекунства иностранных членов в том же Саратове, т. е. начал службу в России с учреждения, бывшего, как и Воспитательные дома, детищем Екатерины. Деловая хватка энергичного чиновника обратила на себя внимание при дворе, и 14 июня 1779 г. И.И. Бецкой известил Совет, что на должность главного надзирателя, освободившуюся после ухода М.М. Коваленского, «приискан» находящийся в Саратове при конторе опекунства иностранных членов Г.Г. Гогель. В 1780 г. он был переизбран обер-директором, а по новому положению стал и опекуном. Гогель знаменует собой новый тип служащего, появившийся в Воспитательных домах, в действиях которого не осталось ни следа от благотворительных тенденций прошлых десятилетий. Это был нахрапистый делец, много работавший, особенно поначалу, еще больше создававший себе репутацию с помощью мощного потока саморекламы, сумевший получить от службы максимально возможные законные и незаконные выгоды.

В начале 1780-х гг. ситуация в Московском доме, состоявшем под руководством Г.Г. Гогеля и подконтрольного ему Совета, выглядела вполне благополучной, особенно по отчетам. В Доме завели ряд новых фабрик для профессионального обучения воспитанников, улучшилась финансовая отчетность. В 1781 г. опекуны докладывали Бецкому и генеральному собранию, что сделанные в 1780 г. распоряжения стараниями обер-директора доставили Дому «знатную пред предыдущими годами прибыль в 67 734 руб. 65 $\frac{1}{4}$ коп.»¹⁵⁷. Главный попечитель потребовал от Петербургского совета не отставать от Москвы. На генеральном собрании в июле 1783 г. Московский опекунский совет с не меньшим оптимизмом извещал, что прибыль Дома за 1782 г. усилиями все того же Гогеля составила почти 132 500 руб.¹⁵⁸

Видимо, уже тогда Бецкой начал проявлять некоторое недоверие к победным реляциям. 2 ноября 1783 г. он писал в Москву, что хотя и «сложил <...> власть правления», но не может не заметить неисправность присланных в столицу балансов. Последовало предписание исправить финансовую документацию и переслать ее в Петербург. В своем ответе опекуны уверяли, что доходы Дома будут расти год от года, выразили полное несогласие с критической оценкой счетов и отметили, что управляют финансами и имуществом в полном соответствии с «его высокопревосходительства насланным предложением»¹⁵⁹. Обращает на себя внимание изменившийся тон в переписке московских опекунов с главным попечителем и петербургскими коллегами — самоуверенный и зачастую просто наглый.

О финансовом неблагополучии Московского дома в 1785 г. свидетельствовала его неспособность выполнить свои финансовые обязательства¹⁶⁰. Еще раньше разгорелось печально знаменитое дело «о подлом воспитании» питомцев Московского дома. В августе 1784 г. Бецкой известил опекунов о дошедших до него слухах о том, что воспитанники, а «особливо женского пола воспитываются весьма подло». Далее автор письма продолжал: «Я не говорю, чтобы в них поселяли

спесь и гордость, но сие и не есть истинное воспитание, а должно находить середину, чтобы человек почитал себя человеком со всяким своим состоянием, умел себя уравнивать и, не допуская поступать с собою как с животным, с усердием хотел бы и за честь почитал исполнять все должности, которые на него по состоянию возлагаются. Паче же говорят об отданных воспитанниках фабрикантам, а между прочим о тех, кои у Таннауэра, что оные содержатся нимало не сходственно с человечеством и хуже рабствующих мужиков, чем безмерно унижаются души людей, уготовляемых быть свободными»¹⁶¹. Любопытной была реакция Москвы. Получив письмо, Опекунский совет вместе с обер-директором провел расследование и выяснил, что группа старших питомцев обратилась к главному попечителю с жалобой на притеснения Таннауэра. Объявив ее содержание клеветническим и выявив зачинщиков, Московский совет постановил... высечь их перед строем питомцев, преступив важнейший принцип воспитания — никогда и ни за что не бить детей — и вызвав долго не стихавшее негодование Бецкого.

Дело «о подлом воспитании» побудило главного попечителя затребовать из Москвы отчет о работе фабрик Воспитательного дома. Выяснилось, что к плохому содержанию воспитанников можно добавить и убыточность самих заведений. Опекуны оправдывались тем, что фабрики открыты по повелениям Бецкого, чем вызвали его суровую отповедь и распоряжение уничтожить учреждения, фабрики и мануфактуры, не выгодные Дому и бесполезные для воспитанников, которые делали работу, свойственную крестьянам. Оставить разрешено было только чулочное производство и фабрику по производству игральнх карт¹⁶².

Несмотря на отдельные проблемы и конфликты, в целом положение Бецкого в середине 1780-х гг. сохранялось. Репутацию московского обер-директора поддерживали как «собственная житейская ловкость», так и мнение лиц из окружения главного попечителя. Изворотливый чиновник, большой знаток человеческой природы, сумел привлечь на свою сторону личного секретаря поэта и драматурга Я.Б. Княжнина и графа де Салена. Г.Г. Гогель успешно продвигался по служебной лестнице (в 1782 г. он был произведен в надворные советники, в 1786 — в коллежские советники, а в 1793 — в статские советники). В 1785 г., после увольнения Ф.П. Фрезе, он был временно переведен в Петербург для водворения порядка в столичном Доме, а в 1786 г. получил орден Св. Владимира 4-й степени. Здесь Г.Г. Гогель так подружился с Я.Б. Княжниним, что простодушный поэт заранее информировал его обо всех грядущих распоряжениях главного попечителя и даже сообщал копии жалоб на действия обер-директора, а критические высказывания Бецкого объяснял тем, что на старости лет тот стал мизантропом¹⁶³.

За счет средств Воспитательного дома Гогель сумел поправить и свое материальное положение. Кроме обер-директорского жалованья, он имел надбавку за руководство Коммерческим училищем (сначала 400, а затем 900 руб. в год), пользовался просторной казенной квартирой, в которой насчитывалось более десятка жилых помещений, как и другие опекуны, обеспечивался бесплатными дровами и свечами. Сверх того, еще в 1781 г. по решению обоих Советов он получил из Сохранной казны, предназначенной для составления капиталов на содержание Домов, «в награждение» 7000 руб. без залога и процентов, а позднее эта сумма была ему подарена. Общий размер законных доходов обер-директора в 1795 г. доходил до 6000 руб.¹⁶⁴

К концу 1780-х гг. масштабы незаконных операций Московского совета во главе с Г.Г. Гогелем так возросли, что сведения о них, несмотря на влиятельных заступников, дошли до ушей И.И. Бецкого. 7 марта 1789 г. он распорядился отправить в Москву А.И. Дурново. В письме в Москву лаконично сообщалось, что бывший опекун и попечитель снова хочет войти в состав Совета, и содержалась просьба принять его. Сам же Дурново не скрывал, что явился в Москву «для поправления испорченного». Фактически же он назначался на должность своеобразного контролера обер-директора с функциями его помощника. Сразу же после появления нового опекуна на заседаниях начались его стычки с другими членами Совета¹⁶⁵. От скандалов и разоблачений в 1790 г. московских опекунов спасла тяжкая болезнь Бецкого и последовавшее за ней длительное фактическое безначалие. А.И. Дурново перестал посещать заседания. В 1792 г., после назначения графа Х.С. Миниха «управляющим должностью преемника главного попечителя», тучи над Московским советом начали сгущаться вновь. Правда, решительно занялся московскими делами Миних только в первой половине 1795 г. 29 января 1795 г., обнаружив «расстройку в делах» Московского дома, он через графа А.А. Безбородко выхлопотал разрешение императрицы пробыть в Москве до мая того же года. В январе 1795 г. он отрешил от должности обер-директорского помощника Вейнца и контролера Г.Ф. Бачманова. Контролером был назначен капитан В.П. Корчуганов. 5 марта 1795 г. в Совет был введен прибывший из Петербурга экзекутор 6-го Департамента Сената надворный советник А.П. Нечаев, известный преемнику И.И. Бецкого «со стороны честной и добродетельной его жизни и со стороны истинного наблюдения правил в отправлении возлагаемых на него должностей». Вскоре ему было поручено управление Сохранной и Ссудной казной. Наконец, 11 апреля того же года Московский совет получил утвержденное Екатериной распоряжение графа Х.С. Миниха о помещении отставного полковника И.А. Гаврилова на место «бывшего директорского помощника А.И. Дурново». Гаврилову было поручено управление Воспитательным домом, и он фактически стал исполнять должность главного надзирателя. К новым чиновникам перешло и жалованье Гогеля по должностям главного надзирателя и директора казны. Ему было оставлено только опекунское звание¹⁶⁶.

Гогель упорно и энергично сопротивлялся. Он написал обширную жалобу на имя императрицы, напоирая на то, что его действия были санкционированы Бецким, в то время еще живым, а распоряжения его преемника противоречат «Генеральному плану». О тоне, в котором было выдержано это длинное послание, свидетельствует уже его заголовок: «Изображение поступок графа Х.С. Миниха по делам Воспитательного дома, ко вреду и разрушению сего полезного заведения, а равно к обиде моей лично клонящихся». Автор демонстрирует пренебрежительно-развязное отношение к действиям прямого начальства, тем более странное в рамках российской иерархической системы¹⁶⁷. Разрешением конфликта императрица поручила заняться главнокомандующему в Москве Измайлову и двум почетным благотворителям — обер-камергеру князю А.М. Голицыну и графу В.П. Мусину-Пушкину. Результатом действий ревизоров стал особый доклад, заслушанный в императорском совете 12 июля 1795 г. Совет нашел, что в Московском воспитательном доме существуют «большие непорядки», для расследования которых была создана специальная комиссия из лиц, назначенных Екатериной. Гогелю было велено освободить казенную квартиру. По этому по-

воду он завел новую тяжбу. Выселить скандального опекуна в собственный дом удалось только в марте 1796 г. с помощью главнокомандующего, причем он тут же потребовал освобождения дома от всех повинностей, а также дрова и свечи. Дело Московского совета получило продолжение лишь в 1797 г., после воцарения Павла I и назначения главным попечителем Я.Е. Сиверса. 2 января 1797 г. за злоупотребления он лишил опекунского звания Г.Г. Гогеля, а 24 апреля — и двух работавших с ним опекунов: М.М. Лодыженского и И.М. Арсеньева. Третьего опекуна, Г.С. Боголюбова, уволили с половинным жалованьем «из уважения его слепоты и прежней службы». В результате расследования выяснилось, что «беспорядки» в Московском совете начались, по крайней мере, в конце 1780-х гг., во время болезни И.И. Бецкого. Сумма просроченных капиталов Сохранной казны превысила 3 500 000 руб., вместо недостающих денег были выпущены билеты Сохранной казны на миллион руб., капиталы тратились на дорогие и ненужные постройки, а аптека помещалась в «сыром и дурном помещении». Это не помешало опекунам за десять лет выписать на себя лекарств на сумму 1800 руб. Особенно возмутило Я.И. Сиверса, что Г.Г. Гогель, ссылаясь на каменную болезнь, забрал из аптеки сельтерской воды на 800 руб. В 1785 г., именно в тот короткий период, когда Гогель управлял Петербургской сохранной казной, из нее по подложным документам выдали значительный по сумме капитал купца Ларина. При этом наблюдалась «бесчеловечная беспечность» в содержании детей. Уличенный в «нецелевом» использовании средств, Гогель изворотливо оправдывался, однако разжалобить Я.Е. Сиверса ему не удалось. Впрочем, он был прощен императрицей Марией Федоровной и вскоре умер¹⁶⁸.

У нас есть возможность выяснить, кого из московских опекунов Бецкий ценил больше других. По его распоряжениям были заказаны портреты тех, чьи заслуги перед Воспитательным домом он считал наибольшими. Среди них было и несколько опекунов. В 1771 г. в ответ на первые благотворительные инициативы П.А. Демидова он написал опекунам, что жертвователя следует «отменно почтить, защищать во всяких случаях и весьма чувствительно благодарить <...>, и портрет его в зале Совета поставлен быть имеет»¹⁶⁹. Позднее в Совете появился и бюст П.А. Демидова. В 1770 г. главный попечитель писал, что в Москву отправлен портрет Б.В. Умского, в то время еще бывшего действующим опекуном¹⁷⁰. Портрет архиепископа Амвросия появился в Воспитательном доме после трагической гибели опекуна. Остальные портреты, скорее всего, заказывали после того, как отличившиеся снимали с себя опекунское звание, но еще при их жизни. В 1788 г. в Московском воспитательном доме имелись портреты И.Н. Тютчева, князя С.В. Гагарина, А.И. Дурново, и П.И. Вырубова. Копии этих портретов в 1788 г. были доставлены и в Петербург¹⁷¹. Вместе с изображениями императрицы, И.И. Бецкого, крупных жертвователей и заслуженных попечителей все они украшали зал заседаний Совета, так что в 1789 г. А.И. Дурново заседал под собственным портретом. Интересно, что все заслуженные опекуны начинали службу в тот период, когда жалованья опекунам еще не платили.

Итак, идее И.И. Бецкого о необходимости оградить работу Воспитательных домов созданием Опекунских советов суждена была долгая жизнь. Советы прекратили свое существование вместе с Воспитательными домами — после 1917 г. Очевидно, в сословной России работа благотворительного учреждения, имевше-

го бессловную основу, требовала постоянной поддержки дворянства. Бецкой был убежден, что в сиротских заведениях, существующих за счет пожертвований, опекуны-дворяне должны трудиться безвозмездно. Однако отсутствие традиций постоянного благотворения и бедность населения не позволили реализовать этот замысел. Главным источником средств для Домов с 1770-х гг. стали финансово-кредитные учреждения — Сохранная и Ссудная казна. Работать в них должны были чиновники-профессионалы, в них и превратились опекуны. Им должны были содействовать почетные благотворители из высшей знати.

Состав Московского и Петербургского советов в царствование Екатерины II имел заметные различия. В Москве, отделенной от главного попечителя сотнями верст, преобладали, особенно в 1760–1770-х гг., представители родовитого дворянства, а в Петербурге — служилые дворяне, среди которых было немало немцев. Предпочтение И.И. Бецкой отдавал тем чиновникам, которых он хорошо знал по совместной службе, а также (что было обычным для статской службы в XVIII в.) отставным гвардейским офицерам.

Однако даже личное знакомство не являлось гарантией честного служения в опекунском звании. Поиски оптимальной организации Советов и стремление обеспечить Воспитательные дома покровителями, близкими к идеалу, привело И.И. Бецкого к смелым экспериментам. На протяжении четверти века опытным путем он надеялся найти наилучшие пути пополнения Совета и контроля за работой его членов. Характерно, что, добиваясь строгого соблюдения законов, сам Бецкой из прагматических побуждений мог нарушить их.

С 1763 по 1772 г. в соответствии с «Генеральным планом» служба в Московском опекунском совете являлась безвозмездным общественным служением. Создание финансово-кредитных учреждений и очевидное разочарование в своих подчиненных как благотворителях-бессребрениках вызвало появление «Учреждения» о казнах, согласно которому за работу в Московском совете стали платить. При этом почетные благотворители из высшей знати и попечители ежегодно переизбирали опекунов и руководителей Дома. В Петербургском отделении с 1770 до 1779 г. действовала общественная модель опекунства. Работой отделения руководили попечители и заопекуны под личным контролем главного попечителя. Подобный способ управления также разочаровал Бецкого. В 1779 г. в Петербурге появились первые опекуны на жаловании. В 1780 г. по новому «Законоположению» система управления Воспитательными домами была изменена. Каждым из равноправных Домов с этого времени управлял назначенный главным попечителем и утвержденный Генеральным собранием из почетных благотворителей и попечителей обер-директор, который вместе с тремя опекунами составлял Опекунский совет. Последний, по сути, превращался в совещательный орган при обер-директоре. Чтобы стать опекуном, требовалось узнать принципы работы Дома на посту контролера. Эта мера изменила социальный состав опекунов 1780–1790-х гг. Основное место среди них заняли выходцы из служилого дворянства, потому что должность контролера не удовлетворяла знатных дворян. При этом главный попечитель отказался от постоянного вмешательства в деятельность обер-директоров и Советов. Новая организация лишь усилила злоупотребления в руководстве Воспитательными домами и привела к самовластию обер-директоров. В 1790 г. И.И. Бецкой подверг ее критике и попытался вернуть себе контроль за работой Петербургского опекунского совета. Это

главному попечителю не удалось — он был слишком стар и тяжело болен. Борьбу со злоупотреблениями в 1792 г. продолжил граф Х.С. Миних, назначенный Екатериной II исполнять должность главного попечителя. При Павле I несладко пришлось опекунам, связанным с Екатериной и ее сподвижниками. Впрочем, некоторые из них, как Г.Г. Гогель, получили по заслугам. Мария Федоровна обобщила опыт И.И. Бецкого. Созданный ею Совет, состоявший из почетных опекунов, — сплав двух екатерининских институтов — Опекунского совета и почетных благотворителей, успешно работал, пока его без усталости контролировала и направляла сама императрица.

Примечания

- 1 ПСЗ I. Т. XVI. № 11908; Т. XIX. № 13909.
- 2 Там же. Т. XVI. № 11908.
- 3 Там же. Т. XIX. № 13909.
- 4 Там же. Т. XVIII. № 12957.
- 5 РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 332. Л. 13.
- 6 РБС. Т. 14. Плавильщиков — Примо. СПб., 1910. С. 723.
- 7 РГИА. Ф. 758. Оп. 32. Д. 1. Л. 33.
- 8 Там же. Ф. 759. Оп. 10. Д. 332. Л. 53.
- 9 *Майков П.М.* И.И. Бецкой. Опыт его биографии. СПб., 1904. С. 14.
- 10 РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 332. Л. 38.
- 11 *Пятковский А.П.* Начало Воспитательных домов в России // Вестник Европы. 1874. Т. 6. С. 285.
- 12 РГИА. Ф. 758. Оп. 32. Д. 1. Л. 259.
- 13 Там же. Л. 101.
- 14 РБС. Т. 4. Гааг — Гербель. СПб.; М., 1914. С. 91.
- 15 *Майков П.М.* И.И. Бецкой. Опыт его биографии. С. 19.
- 16 *Ransel D. L.* Mothers of Misery. Child Abandonment in Russia. Princeton; New Jersey: Princeton University Press, 1988. P. 39.
- 17 РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 355. Л. 1–1 об. Дело 1763 г., озаглавленное «Представления к главному попечителю» и сохранившееся в РГИА, содержит копии неподписанных писем из Москвы. Хотя их автор иногда и употребляет местоимение «мы», но наиболее важная информация в них дается от первого лица. В своих ответах И.И. Бецкой нередко обращался к нему лично.
- 18 Там же. Л. 5, 7 об., 13.
- 19 Там же. Л. 18 об.–19, 22, 24; Д. 334. Л. 52–62 об.
- 20 Там же. Д. 356. Л. 12.
- 21 Там же. Л. 56.
- 22 Там же. Д. 332. Л. 216–216 об.
- 23 Там же. Д. 334. Л. X об., 406; Д. 357. Л. 80; *Майков П.М.* И.И. Бецкой. Опыт его биографии. С. 155.
- 24 РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 356. Л. 43.
- 25 Там же. Д. 332. Л. 26.
- 26 Там же. Д. 357. Л. 90; Д. 358. Л. 40, 59.
- 27 Там же. Д. 355. Л. 1; Д. 332. Л. 46; Ф. 758. Оп. 32. Д. 1. Л. 182, 489.
- 28 Там же. Ф. 759. Оп. 10. Д. 334. Л. 70; Д. 357. Л. 37, 53, 54 об., 62 об., 80, 84.
- 29 Там же. Д. 357. Л. 25 об., 31 об.; Д. 358. Л. 35 об.; Д. 335. Л. 87; Д. 361. Л. 12.

- 30 Адрес-календарь российский на лето 1766. СПб., 1766. С. 15.
- 31 РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 335. Л. 74, 87; Д. 358. Л. 71; Адрес-календарь на лето 1766. С. 5.
- 32 РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 336. Л. 10.
- 33 Там же. Д. 357. Л. 80; Д. 335. Л. 87; Ф. 758. Оп. 5. Д. 875. Л. VI.
- 34 ПСЗ I. Т. XVIII. № 12957.
- 35 Там же. Курсив издателей закона.
- 36 Там же.
- 37 РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 360. Л. 1.
- 38 Там же. Д. 337. Л. 17.
- 39 Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1770. СПб., 1770. С. 100.
- 40 РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 361. Л. 19; Д. 337. Л. 30.
- 41 Там же. Д. 356. Л. 11 об.; Д. 337. Л. 38; Д. 362. Л. 5 об.; Ф. 758. Оп. 5. Д. 875. Л. VI об.; Месяцеслов. 1770. С. 100.
- 42 РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 361. Л. 26 об.
- 43 Там же. Д. 362. Л. 5, 9.
- 44 Там же. Л. 5–5 об., 9; Д. 338. Л. 22.
- 45 Там же. Д. 364. Л. 15.
- 46 Там же. Д. 362. Л. 23, 38 об.; Д. 363. Л. 1.
- 47 Там же. Л. 19; Д. 338. Л. 62.
- 48 РБС. Т. 4. С. 91; Месяцеслов. 1772. С. 30.
- 49 РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 360. Л. 8; Д. 361. Л. 15 об.; Д. 362. Л. 16, 27; Д. 338. Л. 78, 103.
- 50 Там же. Д. 336. Л. 37, 62; Д. 360. Л. 9 об.
- 51 Там же. Д. 362. Л. 30–30 об., 32, 37; Д. 338. Л. 99, 125.
- 52 Российская родословная книга, издаваемая П. Долгоруковым. Ч. 2. СПб., 1855. С. 355.
- 53 РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 363. Л. 9–9 об., 17 об.; Д. 339. Л. 36.
- 54 Там же. Д. 363. Л. 12 об., 13 об.–14 об., 17.
- 55 Там же. Л. 24, 27, 30–33 об.
- 56 Там же. Л. 34–40 об.; Д. 364. Л. 28.
- 57 Там же. Д. 340. Л. 1–4; Д. 364. Л. 1–10, 18, 21 об., 26 об.
- 58 ПСЗ I. Т. XIX. № 13429.
- 59 РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 364. Л. 8.
- 60 Письма государыни императрицы Екатерины II к князю Михаилу Никитичу Волконскому // Осьмнадцатый век. Исторический сборник, изд. П. Бартевым. Кн. 1. М., 1869. С. 95–102; Выписки из архива канцелярии прибалтийского генерал-губернатора // Там же. С. 453–455.
- 61 ПСЗ I. Т. XIX. № 13890.
- 62 Письма государыни императрицы Екатерины II к князю Михаилу Никитичу Волконскому. С. 99, 107; о судьбе С.А. Пушкина см.: *Фруменков Г.Г.* Узники Соловецкого монастыря. Изд. 4. Архангельск, 1979. С. 107–114. Братья Пушкины — двоюродные деды А.С. Пушкина.
- 63 РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 364. Л. 13, 14 об.–16; Д. 340. Л. 22–25, 28–28 об.
- 64 Там же. Ф. 758. Оп. 5. Д. 21. Л. 1, 7, 13–20 об.; Ф. 759. Оп. 10. Д. 340. Л. 37; Д. 364. Л. 15–15 об., 16 об., 25 об.–26.
- 65 ПСЗ I. Т. XIX. № 13909.
- 66 Там же.
- 67 РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 341. Л. 18, 31; Д. 365. Л. 12 об., 15; Д. 366. Л. 7 об.; Месяцеслов. 1772. С. 145.
- 68 РГИА. Ф. 758. Оп. 26. Д. 471. Л. 69 об., 125; Ф. 759. Оп. 10. Д. 341. Л. 18; Д. 365. Л. 13.

- 69 Там же. Ф. 759. Оп. 10. Д. 342. Л. 7 об.
- 70 Там же. Ф. 758. Оп. 26. Д. 471. Л. 33; Ф. 759. Оп. 10. Д. 366. Л. 15–16.
- 71 Там же. Ф. 759. Оп. 10. Д. 343. Л. 60 об.; Д. 366. Л. 20 об.
- 72 Там же. Д. 343. Л. 33 об.; Д. 366. Л. 8–8 об., 12 об.
- 73 Там же. Д. 366. Л. 19.
- 74 Там же. Ф. 758. Оп. 26. Д. 471. Л. 65–151 об., 181–182б об.
- 75 Там же. Д. 341. Л. 22; Д. 471. Л. 168–172 об., 182а об.–182б об., 186.
- 76 Там же. Д. 344. Л. 4; Д. 368. Л. 1 об.; Месяцеслов. 1776. С. 149.
- 77 РГИА. Ф. 758. Оп. 10. Д. 373. Л. 1.
- 78 Там же. Д. 366. Л. 25, 30.
- 79 Там же. Д. 350. Л. 6; Д. 374. Л. 4–4 об.
- 80 Там же. Д. 350. Л. 6–6 об.
- 81 Там же. Д. 374. Л. 3, 12; Письма И.И. Бецкого к императрице Екатерине II // РС. 1896. Т. 88. № 11. С. 404.
- 82 РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 343. Л. 17.
- 83 *Майков П.М.* И.И. Бецкой. Опыт его биографии. Прил. С. 53–54.
- 84 Там же. С. 55–59.
- 85 РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 350. Л. 23.
- 86 Там же. Д. 374. Л. 20 об.; Д. 367. Л. 18; Д. 350. Л. 24.
- 87 Там же. Д. 343. Л. 20; Д. 367. Л. 8 об., 10.
- 88 Там же. Д. 367. Л. 9; Д. 343. Л. 21; Д. 350. Л. 42; Д. 374. Л. 30 об.
- 89 *Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей русской земли. Ч. 1. СПб., 1847. С. 59–62; РБС. Т. 2. Алексинский — Бестужев. СПб., 1900. С. 468.
- 90 РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 367. Л. 10, 11; Д. 343. Л. 23–27.
- 91 Месяцеслов. 1776. С. 175.
- 92 *Бартнев П.И.* Предисловие к публикации писем П.А. Демидова к его зятю М.И. Хозикову, к Н.И. Рибас и к И.И. Бецкому // РА. 1873. Т. 2. Стб. 2243.
- 93 О реальных и полулегендарных чудачествах П.А. Демидова см., например: *Головицков К.Д.* Род дворян Демидовых. Ярославль, 1881. С. 96–104.
- 94 Собрание учреждений и предписаний касательно воспитания в России обоего пола благородного и мещанского юношества. СПб., 1789. Т. 1. С. 461–463.
- 95 РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 339. Л. 8.
- 96 Там же. Д. 364. Л. 8, 25; Материалы для истории императорского Московского воспитательного дома. Вып. 1. М., 1864. С. 70.
- 97 *Бартнев П.И.* Предисловие к публикации писем П.А. Демидова к его зятю М.И. Хозикову, к Н.И. Рибас и к И.И. Бецкому. Стб. 2244.
- 98 РГИА. Ф. 758. Оп. 26. Д. 471. Л. 243.
- 99 Там же. Л. 272 об.
- 100 Там же. Л. 305–305 об.
- 101 Там же. Л. 24 об.–26.
- 102 Там же. Л. 363–363 об.
- 103 Там же. Л. 50, 369 об.–390, 401.
- 104 Там же. Ф. 759. Оп. 10. Д. 342. Л. 3.
- 105 Там же. Д. 350. Л. 11–11 об., 33–34; Д. 366. Л. 6 об., Д. 373. Л. 3 об.
- 106 Там же. Д. 344. Л. 8–8 об.
- 107 Там же. Л. 13–13 об.; Д. 368. Л. 5–5 об.; Д. 369. Л. 9б об.
- 108 Там же. Д. 344. Л. 14; Д. 368. Л. 5 об.; Ф. 758. Оп. 5. Д. 264. Л. 1–3.
- 109 Там же. Ф. 759. Оп. 10. Д. 346. Л. 11.
- 110 Там же. Д. 375. Л. 17 об.–19; Ф. 758. Оп. 5. Д. 322. Л. 1–5.
- 111 Там же. Ф. 758. Оп. 10. Д. 345. Л. 5–5 об.
- 112 Там же. Д. 346. Л. 12.

- 113 Там же. Ф. 759. Оп. 10. Д. 369. Л. 96 об.; Российская родословная книга. Ч. 2. С. 124.
- 114 РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 370. Л. 2.
- 115 Там же. Л. 4 об.–5; Д. 346. Л. 30–32; Д. 376. Л. 13; Ф. 758. Оп. 5. Д. 426. Л. 1.
- 116 Там же. Ф. 759. Оп. 10. Д. 370. Л. 2 об.; Д. 346. Л. 15–16 об., 21, 26–26 об., 35; РБС. Т. 3. Беганкур — Бекстер. СПб., 1908. С. 107.
- 117 РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 341. Л. 57–60.
- 118 Там же. Д. 346. Л. 22–23.
- 119 Там же. Д. 350. Л. 34; Д. 366. Л. 31 об.; Д. 384. Л. 9 об.–10; Д. 342. Л. 69–74 об. *Майков П.М.* И.И. Бецкой. Опыт его биографии. С. 196.
- 120 РГИА. Ф. 758. Оп. 5. Д. 21. Л. 7–7 об., 13–20; Д. 176. Л. 1–9.
- 121 Там же. Д. 397. Л. 2.
- 122 Там же. Ф. 759. Оп. 10. Д. 369. Л. 1 об., 3–5, 7–9, 12.
- 123 Там же. Ф. 758. Оп. 20. Д. 36. Л. 1; Д. 39. Л. 1–2, 37.
- 124 Там же. Ф. 759. Оп. 10. Д. 346. Л. 42–42 об.
- 125 Там же. Ф. 758. Оп. 5. Д. 256. Л. 3–29 об.; Д. 340. Л. 1–14.
- 126 Там же. Ф. 759. Оп. 10. Д. 347. Л. 2.
- 127 Там же. Л. 20; Д. 371. Л. 4 об.
- 128 Там же. Ф. 758. Оп. 5. Д. 400. Л. 1.
- 129 Там же. Л. 2; Ф. 759. Оп. 10. Д. 347. Л. 32–33.
- 130 Там же. Ф. 759. Оп. 10. Д. 347. Л. 34; Д. 371. Л. 6 об.
- 131 Там же. Д. 347. Л. 30.
- 132 Там же. Д. 371. Л. 2 об.; Д. 354. Л. 18; Д. 347. Л. 35; Д. 377. Л. 4, 20 об.; Ф. 758. Оп. 5. Д. 500. Л. 1–2.
- 133 *Майков П.М.* И.И. Бецкой. Опыт его биографии. Приложения. С. 60–61.
- 134 Там же. С. 62–64.
- 135 РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 347. Л. 36–38.
- 136 Там же. Д. 371. Л. 7 об., 13; Д. 372. Л. 3 об.
- 137 *Майков П.М.* И.И. Бецкой. Опыт его биографии. Приложения. С. 65.
- 138 РГИА. Ф. 758. Оп. 5. Д. 440. Л. 8.
- 139 *Майков П.М.* И.И. Бецкой. Опыт его биографии. Приложения. С. 67.
- 140 РГИА. Ф. 758. Оп. 5. Д. 436. Л. 8, 13–33, 44, 46, 48; Ф. 759. Оп. 10. Д. 348. Л. 1–3; Д. 372. Л. 5 об.
- 141 Санкт-Петербургские ведомости. 1780. № 100. Прибавления.
- 142 Там же.
- 143 РГИА. Ф. 758. Оп. 5. Д. 440. Л. 7.
- 144 Там же. Л. 9 об.–10 об.
- 145 *Пятковский А.П.* С.-Петербургский воспитательный дом под управлением И.И. Бецкого // РС. 1875. Т. 12. № 4. С. 666–667.
- 146 РГИА. Ф. 758. Оп. 5. Д. 465. Л. 1–3.
- 147 Там же. Ф. 759. Оп. 10. Д. 372. Л. 6; Ф. 758. Оп. 5. Д. 436. Л. 62.
- 148 Там же. Ф. 758. Оп. 5. Д. 490. Л. 1–7; Д. 400. Л. 31 об.
- 149 Там же. Оп. 7. Д. 3. Л. 1–3.
- 150 Там же. Оп. 5. Д. 875. Л. VII об.–VIII.
- 151 Там же. Д. 4. Л. 2.
- 152 Там же. Д. 567. Л. 2.
- 153 Там же. Л. 3 об.–4.
- 154 Месяцеслов. 1782. С. 120.
- 155 РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 379. Л. 9, 11; Ф. 758. Оп. 5. Д. 721. Л. 4 об.
- 156 РГИА. Ф. 758. Оп. 26. Д. 477. Л. 1; Оп. 5. Д. 721. Л. 4; Месяцеслов. 1782. С. 120; Месяцеслов. 1784. С. 113; Месяцеслов. 1786. С. 100; Месяцеслов. 1796. С. 122.
- 157 РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 379. Л. 2 об.

- 158 Там же. Ф. 758. Оп. 5. Д. 721. Л. 3 об.
- 159 Там же. Ф. 759. Оп. 10. Д. 348. Л. 12; Д. 372. Л. 8 об.–10.
- 160 Там же. Д. 372. Л. 11–11 об.
- 161 Там же. Ф. 758. Оп. 5. Д. 747. Л. 1.
- 162 Там же. Л. 3–8, 11–15; Ф. 759. Оп. 10. Д. 348. Л. 26, 30.
- 163 *Пятковский А.П.* С.-Петербургский воспитательный дом под управлением И.И. Бецкого. С. 180–181.
- 164 РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 385. Л. 9; *Пятковский А.П.* С.-Петербургский воспитательный дом под управлением И.И. Бецкого. С. 179.
- 165 РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 348. Л. 102; Д. 380. Л. 11 об.–14; Д. 385. Л. 13 об.; *Пятковский А.П.* С.-Петербургский воспитательный дом под управлением И.И. Бецкого. С. 181.
- 166 РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 385. Л. 1–4, 11 об., 13–13 об.; Ф. 758. Оп. 7. Д. 22. Л. 1–5 об.
- 167 Там же. Ф. 759. Оп. 10. Д. 385. Л. 11–19 об.
- 168 *Пятковский А.П.* С.-Петербургский воспитательный дом под управлением И.И. Бецкого. С. 182–187.
- 169 РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 339. Л. 8.
- 170 Там же. Д. 338. Л. 131 об.
- 171 Там же. Ф. 758. Оп. 5. Д. 875. Л. 3 об.–4.